

BULLETINS DU COMITÉ GÉOLOGIQUE.

1914.

ST. PÉTERSBOURG.

XXXIII. № 1.

ИЗВѢСТІЯ
ГЕОЛОГИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

1914 годъ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

№ 1.

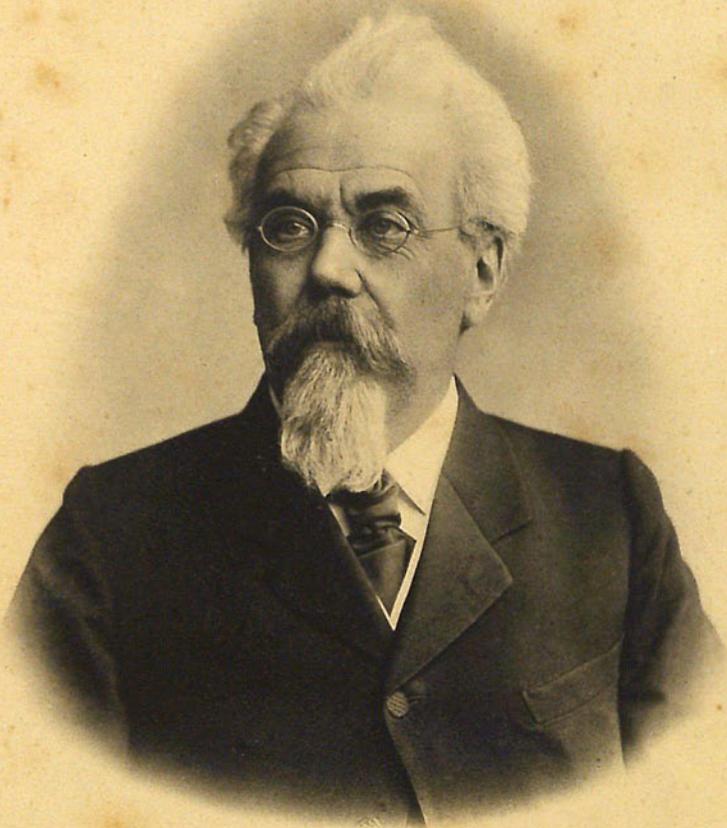
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., д. 28.

1914.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Памяти Θεодосія Николаевича Чернышева. Рѣчи, прочтанныя въ экстренномъ засѣданіи Присутствія Геологическаго Комитета 10 января 1914 г.	1—23
К. Богдановича	1
Н. Яковлева	12
А. Герасимова	17
Списокъ работъ Θ. П. Чернышева	24—37
Выраженія соболѣзнованія по поводу кончины Θ. П. Чернышева, полученныя Геологическимъ Комитетомъ	38—52
Θеодосій Николаевичъ Чернышевъ. Краткій біографическій очеркъ К. И. Богдановича	53—70

Д. Чернышев

Памяти Θεодосія Николаевича Чернышева.

Рѣчи, прочитанныя въ экстренномъ засѣданіи Присутствія Геологическаго Комитета 10 января 1914 г.

I.

Неумолимой судьбѣ было угодно, чтобы наше первое засѣданіе въ наступившемъ году было посвящено памяти безвременнао скончавшагося директора Геологическаго Комитета **Θ. Н. Чернышева.**

Тридцать три года посвятилъ Чернышевъ научной работѣ. Его труды глубоко и широко захватили самыя разнообразныя стороны не только геологической науки, но также и географіи въ широкомъ значеніи этого слова, и моихъ силъ недостаточно, чтобы всесторонне освѣтить многообразное значеніе всей научной дѣятельности Чернышева.

Дать хотя бы самый сжатый очеркъ работъ Чернышева, это значитъ набросать исторію за послѣднія тридцать лѣтъ не только развитія геологическаго познанія Россіи, но и эволюціи нашихъ представлений о времени девона, карбона и перми, т. - е. всего конца палеозоя, не только на площади Россіи, но на значительной части изученной земной поверхности;—это значитъ также набросать исторію развитія Геоло-

гического Комитета, котораго блестящимъ представителемъ въ числѣ плеяды другихъ незабвенныхъ геологовъ перваго состава былъ Чернышевъ и котораго мудрымъ и любимымъ долготѣтнимъ руководителемъ онъ закончилъ свою трудовую жизнь. Его имя неразрывно связано съ цѣлымъ рядомъ крупныхъ научныхъ предпріятій Академіи Наукъ, частью международнаго характера; онъ былъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ однимъ изъ руководителей такого крупнаго научнаго центра, какъ Императорское Минералогическое Общество.

Его спеціальныя изслѣдованія распространились на: 1) области Урала и средней Россіи, 2) сѣвера Россіи, вѣрнѣе Европы, включительно до Новой Земли и Шпицбергена, 3) Донецкій бассейнъ и 4) Туркестанъ; монографическія работы и многочисленные палеонтологическія замѣтки покойнаго касаются палеозоя, можно сказать, не только всей Россіи, но всего свѣта, и въ нихъ разсѣяны самыя цѣнныя данныя по триасу, юрѣ, ледниковымъ отложеніямъ, полезнымъ ископаемымъ и другимъ сторонамъ прикладной геологіи.

Я позволю себѣ въ самомъ сжатомъ видѣ отмѣтить значеніе только болѣе крупныхъ работъ Чернышева и всей его дѣятельности, скорѣе по личнымъ воспоминаніямъ, чѣмъ на основаніи систематическаго просмотра его работъ.

Послѣ первыхъ печатныхъ статей, въ 1881—1882 гг., о сваяполитѣ изъ Ильменскихъ горъ, марганцовомъ гранатѣ и контактахъ діабазы съ осадочными породами на западномъ склонѣ Урала (напечатанныхъ въ Зап. Имп. Минер. Общ.), съ 1883 г. открывається серія работъ Чернышева о девонскихъ отложеніяхъ южнаго Урала. Полевые работы, съ каждымъ годомъ распространяемыя имъ все ширѣ вдоль Урала и въ предѣлахъ средней Россіи, сопровождаются непрерывной разработкой обширнѣйшаго палеонтологическаго матеріала и критической оцѣнкой уже имѣвшихся палеонтологическихъ дан-

ныхъ. Вступленіемъ къ этой знаменитой серіи можно считать трудъ подъ скромнымъ названіемъ „Матеріалы къ изученію девонскихъ отложений Россіи“ (Тр. Геол. Ком., т. I, № 3, 1884).

Обративъ вниманіе уже въ первыхъ отчетахъ по южному Уралу на границу между силуромъ и девономъ, Чернышевъ показалъ, что среди девонскихъ отложений Урала можно отличить всѣ главные горизонты Гарца и Эйфеля. Прежде, чѣмъ окончательно высказаться за девонскій возрастъ тѣхъ слоевъ, которые до того времени относили къ силуру, и дать общую картину русскаго девона, онъ предпринялъ просмотръ всего доступнаго ему матеріала по девону Россіи. Цитированная работа, какъ результатъ такого частичнаго просмотра, была написана Чернышевымъ, когда ему было всего только 27 лѣтъ, а эта работа носить уже тѣ характерныя черты Чернышева, какъ палеонтолога и стратиграфа, которыя сдѣлали изъ него для всѣхъ насъ „maître“, въ полномъ значеніи этого слова. Эта работа до сихъ поръ представляетъ главный матеріалъ для всякаго, кто хочетъ получить ясное и полное представленіе о девонѣ средней и западной Россіи и о руководящихъ формахъ средняго и верхняго девона.

Слѣдующей крупной работой Чернышева была его монографія— „Фауна нижняго девона западнаго склона Урала“ (Тр. Геол. Ком., т. III, № 1, 1885). Здѣсь онъ представилъ на судъ научной критики тѣ данныя, которыя позволили ему уже раньше намѣтить широкое и почти непрерывное развитіе вдоль Урала девонскихъ отложений; въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ монографій (Фауна средняго и верхняго девона западнаго склона Урала. Тр. Геол. Ком., т. III, № 3, 1887.— Матеріалы къ познанію девонской фауны Алтая. Изв. Геол. Ком. 1892, № 9-10.— Фауна нижняго девона вост. склона Урала. Тр. Геол. Ком., т. IV, № 3, 1893) онъ далъ затѣмъ детальный разрѣзъ, расчлененіе

и параллелизацію девонскихъ отложеній Россіи; до сихъ поръ эти разрѣзы являются классическими.

Не удивительно, что уже въ 1885 г. при первой же возможности Чернышевъ былъ избранъ въ старшіе геологи Геологическаго Комитета, а упомянутыя монографіи, увѣнчанныя преміями Импер. Мин. Общ. и Импер. Акад. Наукъ, поставили имя Чернышева въ числѣ именъ наиболѣе выдающихся палеонтологовъ и геологовъ Россіи и упрочили за нимъ общее признаніе, со стороны западно-европейскихъ и американскихъ ученыхъ, какъ одного изъ наиболѣе авторитетныхъ знатоковъ девона.

Вниманіе молодого ученаго не ограничивалось только девономъ; его привлекало все болѣе это удивительное въ жизни земли время — конца палеозоя. Преслѣдую и здѣсь основной методъ нашей науки — открытіе и изученіе палеонтологическаго матеріала, Чернышевъ даетъ небольшую, но важную монографію — Пермскій известнякъ Костромской губ. (Горн. Журн., 1885, 1), а въ своей сводной работѣ по южному Уралу (Тр. Геол. Ком., т. III, № 4) представилъ разрѣзы и параллелизацію верхнекаменноугольныхъ и пермскихъ отложеній (см. также *Notes sur le rapport des dépôts carbonifères russes avec ceux de l'Europe occidentale. Ann. Soc. géol. du Nord, 1890*). Эти работы представляютъ вступленіе къ одной изъ слѣдующихъ серій трудовъ Чернышева, именно о карбонѣ.

Но еще раньше онъ при первой возможности расширилъ свои Уральскія изслѣдованія, ставъ во главѣ Тиманской экспедиціи въ 1889 году. Результатами двухлѣтнихъ работъ была новая топографическая карта Тимана и прилежащихъ областей и обширный матеріалъ, частью разработанный учениками Чернышева (Яковлевымъ, Лебедевымъ) и частью переданный для разработки Гольцапфелю, Рюсту, Шельвину и другимъ ученымъ. Въ рядѣ мелкихъ статей Чернышевъ далъ

уже полную картину орографіи, геологіи и фізической географіи этой обширной страны, а впоследствии онъ неоднократно направлялъ туда другія экспедиціи для рѣшенія спеціальныхъ вопросовъ топографической геологіи и ея расширенія.

Время съ 1882 г. по 1893 г. въ жизни Геологическаго Комитета можно по всей справедливости назвать героическимъ періодомъ его исторіи. На ряду съ Чернышевымъ, подъ руководствомъ нашего общаго учителя А. П. Карпинскаго, работали такіе выдающіеся геологи, какъ наши покойные старшіе сочлены Никитинъ, Михальскій, Мушкетовъ, Соколовъ и здравствующіе понинъ Краснопольскій и сотрудники, какъ Павловъ; подготавлилась работа, до сихъ поръ остающаяся единственнымъ въ своемъ родѣ памятникомъ энергіи и любви къ наукѣ членовъ Геологическаго Комитета,—общая Геологическая Карта Россіи въ масштабѣ 60 в. въ дюймѣ. Въ этой работѣ, получившей свое осуществленіе въ 1892 г., Чернышеву принадлежитъ львиная доля труда по составленію и координированію многочисленныхъ матеріаловъ по южному Уралу, части его западнаго склона и всему сѣверу Россіи.

Какъ и повсюду, результатомъ такой блестящей и плодотворной работы должно было быть законное желаніе Правительства извлечь прямую выгоду и возможно скоро; назрѣвала эра специальныхъ детальнхъ работъ внѣ общаго основнаго плана составленія десятиверстной геологической карты. Эта эра и была открыта однимъ изъ наиболѣе обширныхъ до сихъ поръ предпріятій Комитета—детальной геологической съемкой Донецкаго бассейна. Едва-ли кто другой лучше, чѣмъ Чернышевъ, могъ организовать и пустить въ ходъ это сложное предпріятіе. Необходимо было создать топографическую основу, дать детальнй вертикальнй разрѣзъ каменноугольныхъ отложеній Донецкаго бассейна и координировать соотвѣтственно этому

разрѣзу всѣ дробныя подраздѣленія и отдѣльныя горизонты. Картографическое осуществленіе такой работы для одного изъ крупнѣйшихъ по площади бассейновъ есть дѣло многолѣтняго труда, но тѣ блестящіе плоды, которые мы имѣемъ теперь передъ глазами, обязаны прежде всего талантности и знаніямъ Чернышева. Его работы этого времени, въ связи съ прежними Уральскими и Тиманскими, положили основаніе той классической монографіи, „Верхнекаменноугольныя брахіоподы Урала и Тимана“, которая навсегда останется красивѣйшимъ памятникомъ научной дѣятельности Чернышева и гордостью русской геологической литературы.

Продолжая непрерывно заниматься обработкой этой монографіи, Чернышевъ неутомимо пересматривалъ коллекціи старыхъ путешественниковъ по сѣверу Россіи, какъ Гревингга, Бѣра и друг., подготавливая новую экспедицію, именно на Новую Землю въ 1895 г. Показавъ себя еще разъ опытнымъ и умѣлымъ организаторомъ трудныхъ сѣверныхъ экспедицій, Чернышевъ далъ для Новой Земли впервые ясное понятіе о геологическомъ составѣ, строеніи, орографіи и физико-географическихъ особенностяхъ южнаго острова. Чернышевъ не могъ успокоиться въ отношеніи Новой Земли до тѣхъ поръ, пока ему не удалось въ самое послѣднее время пополнить свои матеріалы изученіемъ и сѣвернаго острова, что было сдѣлано горнымъ инженеромъ Кругловскимъ, по порученію Минералогическаго Общества въ 1910 году.

Путешествія на сѣверъ, широкое знакомство со средней Россіей и западной Европой наталкиваютъ его на вопросы ледниковой геологіи, и имъ дана совмѣстно съ С. Н. Никитинимъ, до сихъ поръ руководящая, статья о строеніи послѣтретичныхъ отложеній сѣвера и востока Россіи.

Научная критика Европы и Америки внимательно слѣдила за послѣдовательными трудами Чернышева, жадно учитывая

обильные факты и блестящие выводы каждой его работы. Известность его за границей расширялась с каждым годом, а его личная во время многочисленных поездок в Европу и Америку сношения со всеми выдающимися иностранными геологами сдѣлали при, всѣмъ намъ столь знакомой, обаятельности Чернышева, какъ человека, его имя прямо популярнымъ въ университетскихъ кругахъ и геологическихъ учрежденіяхъ за границей.

Въ 1896 г. онъ принялъ, по порученію организационнаго бюро VII геологич. Конгресса трудную и отвѣтственную роль генеральнаго секретаря конгресса. Тѣмъ изъ насъ, кто не имѣлъ возможности видѣть Чернышева въ это время, слѣдуетъ помнить, сколько труда, энергіи и обширныхъ знаній вложилъ Чернышевъ въ дѣло организациі этого конгресса; по отзывамъ всѣхъ современниковъ и здравствующихъ еще теперь геологовъ всѣхъ странъ, VII конгрессъ въ Петербургѣ былъ однимъ изъ наиболѣе удачныхъ изъ всѣхъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ. Этотъ блестящій успѣхъ, закрѣпившій навсегда широкія связи геологовъ Россіи съ ихъ иностранными коллегами, во многомъ обязанъ именно Чернышеву. Ему же принадлежатъ въ книжкѣ *Guide des excursions* многія образцовыя по сжатости и поучительности страницы, какъ главы о Южномъ Уралѣ, о горныхъ округахъ Тагильскомъ и Гороблагодатскомъ и о Донецкомъ бассейнѣ.

Въ этомъ же году научныя заслуги Чернышева получили справедливую и достойную оцѣнку избраніемъ его въ члены Императорской Академіи Наукъ. Для блестящихъ способностей Чернышева открылось еще новое, болѣе широкое, поле научной дѣятельности. Въ 1899 году ему поручается почетная, но еще болѣе отвѣтственная, роль одного изъ руководителей экспедиціи по производству градусныхъ измѣреній на Шпицбергенѣ, экспедиціи, представлявшей замѣчательный

примѣръ научной коопераціи двухъ старинныхъ академій русской и шведской. Блестящій успѣхъ оправдалъ выборъ академій. Я не буду останавливаться на, большинству изъ насъ извѣстныхъ, крупнѣйшихъ результатахъ этой работы, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ привлекала вниманіе ученыхъ всего свѣта и всѣхъ образованныхъ людей; я не могу умолчать лишь, что на долю русской части экспедиціи выпало почти двѣ трети всего предпріятія по градуснымъ измѣреніямъ на Шпицбергенѣ.

Въ день погребенія Чернышева лицо, непричастное непосредственно къ наукѣ, но одинаково высоко уважаемое въ Россіи и Швеціи, съ подкупающей искренностью говорило мнѣ, что русскій академикъ Чернышевъ за время своихъ неоднократныхъ посѣщеній Стокгольма въ теченіе Шпицбергенской экспедиціи сталъ въ Швеціи болѣе популярнымъ, чѣмъ свои шведскіе ученые, исключительно благодаря его удивительнымъ организаторскимъ способностямъ.

Чернышевъ три раза лично руководилъ работами на Шпицбергенѣ и оставилъ намъ, по личнымъ изслѣдованіямъ, яркія картины геологіи и ледниковаго ландшафта этой страны. Все шире и шире распространялъ Чернышевъ свои изслѣдованія на сѣверъ Евразіи, и всѣмъ намъ такъ памятенъ его докладъ въ Минералогическомъ Обществѣ на темы по исторіи геологическаго развитія Евразіи, въ которыхъ онъ набрасывалъ смѣлой и опытной рукой мастера основныя черты этого развитія.

Отъ его зоркаго взора не ускользнули важные вопросы геологіи палеозоя Центральной Азіи и при первой возможности въ 1903 году онъ становится во главѣ экспедиціи для изслѣдованія Андижанскаго землетрясенія. Попутно онъ устанавливаетъ для Тянь-шаня и Алая цѣлый рядъ разрѣзовъ палеозоя и намѣчаетъ рядъ задачъ, которыя онъ преслѣдуетъ затѣмъ, побуждая къ работѣ новыя молодыя геологическія силы.

Въ другомъ мѣстѣ и другія лица должны напомнить намъ другія выдающіяся заслуги Чернышева по его непрерывной работѣ въ Академіи Наукъ, въ Императорскомъ Минералогическомъ Обществѣ, гдѣ онъ состоялъ безсмѣннымъ секретаремъ съ 1892 года; въ Император. Географ. Обществѣ, гдѣ онъ руководилъ отдѣленіемъ Физической Географіи съ 1902 по 1905 годъ; въ Горномъ Институтѣ, какъ профессора и директора. Всѣмъ намъ извѣстно, что благодаря его обширному научному кругозору онъ направлялъ и руководилъ во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ цѣлымъ рядомъ экспедицій на сѣверъ Европы и Азіи, въ Саяны и Монголію, на Памиръ и Алай и на Кавказъ. Онъ ставилъ этимъ экспедиціямъ ясныя задачи, воодушевлялъ часто совершенно юныхъ изслѣдователей къ научной работѣ. Съ какой радостью и съ какой подкупающей обаятельностью чистаго сердца онъ спѣшилъ всегда подѣлиться съ нами и въ частныхъ бесѣдахъ, и на засѣданіяхъ, въ особенности Минералогическаго Общества, результатами этихъ вдохновляемыхъ имъ работъ. Еще такъ недавно онъ дѣлился съ нами такими открытіями, какъ пермотріаса и тріаса на Кавказѣ, средней юры на Вилюѣ.

Я обязанъ остановиться здѣсь на роли Чернышева, какъ нашего Директора съ 1903 года. Неуклонное развитіе горной промышленности и неизбежное съ этимъ расширеніе геологическихъ работъ спеціальнаго характера, въ цѣляхъ часто освѣщенія новыхъ горнопромышленныхъ районовъ, систематическаго изслѣдованія другихъ и даже учета запасовъ полезныхъ ископаемыхъ въ третьихъ, становится одной изъ первыхъ задачъ нашего правительственнаго геологическаго учрежденія. Каменный уголь, золото, платина, желѣзо, нефть, минеральные источники и питьевыя воды начинаютъ все болѣе привлекать вниманіе Геологическаго Комитета. Справедливо заслуженное имъ довѣріе заставляетъ обращаться къ намъ и разные виды

строительной практики. Мнѣ пришлось бы повторить цѣлый рядъ страницъ изъ годовыхъ отчетовъ Комитета за послѣдніе десять лѣтъ, если бы я хотѣлъ только отчасти дать представленіе о кипучей и разносторонней дѣятельности Комитета за эти годы. Я только напомню, что съ 1903 года Комитетъ долженъ былъ взять на себя составленіе полуверстной геологической карты Криворожскаго руднаго района, такихъ же картъ для цѣлаго ряда желѣзнорудныхъ районовъ южнаго Урала, детальные геологическія съемки золотоносныхъ и платиноносныхъ районовъ Урала; съ 1903 года начались спеціальныя съемки нефтеносныхъ областей Апшерона, позднѣе и другихъ на Кавказѣ, Ухтѣ, въ Туркестанѣ и въ Уральской области; съ 1907 года начались спеціальныя работы на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ и т. д., и т. д.

И вся эта исключительная по напряженности работа Комитета, на ряду съ непрерывно продолжающимися изслѣдованіями золотоносныхъ областей Сибири, должна была подготовляться Чернышевымъ, какъ Директоромъ Комитета. Нерѣдко ему приходилось обдумывать и составлять цѣлыя записки по проектамъ такихъ работъ, хотя вызывавшихся насущной потребностью, но обыкновенно формулируемыхъ со стороны другихъ центральныхъ органовъ какъ нашего, такъ и другихъ, Вѣдомствъ лишь въ формѣ общихъ положеній; нерѣдко ему приходилось подвергать строгой и опытной редакціи подобныя записки, представляемыя комиссіями изъ состава нашего Присутствія. Одной изъ послѣднихъ такихъ записокъ былъ составленный имъ проектъ обширныхъ топографическихъ работъ на 1914 годъ; въ его портфель, съ которымъ онъ былъ у Министра только за 30 часовъ до своей кончины, мы видимъ обширную, выдержавшую его редакцію, записку о многолѣтнихъ работахъ въ Урянхайской землѣ. Его замѣчательный опытъ въ дѣлѣ организаціи самыхъ разнообразныхъ геологи-

ческихъ и другихъ научныхъ изслѣдованій позволялъ ему съ перваго взгляда указывать наши промахи въ запискахъ, казалось, разработанныхъ всесторонне. Каждый изъ насъ долженъ съ грустью сказать—*mea culpa*, ибо всѣ мы нерѣдко злоупотребляли и временемъ, и силами своего директора, представляя ему только схемы своихъ проектовъ въ увѣренности, что Θεодосій Николаевичъ самъ сдѣлаетъ лучше, и дѣйствительно онъ дѣлалъ лучше.

Нельзя обойти молчаніемъ его трудъ по просмотру рѣшительно всѣхъ печатаемыхъ Комитетомъ изданій. Если припомнить, что только съ 1903 года по день кончины Θεодосія Николаевича Комитетомъ издано и печаталось болѣе, чѣмъ сто выпусковъ Новой серіи Трудовъ, рядъ выпусковъ Сибирскихъ отчетовъ, Извѣстій и т. д., то прямо удивляешься, когда Θεодосій Николаевичъ находилъ время, не оставляя и другихъ сложныхъ занятій, все это просмотрѣть, замѣтить нерѣдко авторамъ массу промаховъ и въ то же время не потерять своей бодрости, а нерѣдко поддерживать ее и въ насъ. Сколько труда и знанія вложено имъ, напр., въ послѣднюю коллективную работу Комитета объ ископаемыхъ угляхъ Россіи.

Поздно, къ несчастью, но мы должны сознаться, что мы часто не жалѣли Θεодосія Николаевича.

Послѣднимъ актомъ его неутомимой дѣятельности было проведеніе штатовъ Комитета третьяго состава и постройка зданія Комитета. Много труда, волненія и, можетъ быть, ненужныхъ огорченій испыталъ при этомъ покойный. Послѣдній докладъ его министру былъ также въ защиту нашихъ интересовъ.

Чернышевъ съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда, завершивъ дѣло постройки зданія и упроченія плодотворной работы новаго состава Комитета, онъ могъ бы, оглядываясь съ чистой совѣстью на свою непримѣрную по трудоспособности и плодотворности жизнь послѣдняго десятилѣтія, снова отдаться

своимъ любимымъ занятіямъ въ области палеонтологіи и стратиграфіи.

Случилось иначе.

Нашъ долгъ продолжать труды Чернышева по дружной работѣ въ Комитетѣ, всегда сохраняя свѣтлую память объ этомъ исключительномъ чловѣкѣ, и нашъ долгъ довести до конца тѣ палеонтологическія и геологическія работы, которыя были имъ уже начаты и прерваны ради интересовъ Комитета въ ущербъ его личнымъ научнымъ симпатіямъ. Выраженія сочувствія и искренней горести, при извѣстии о неожиданной кончинѣ Θεодосія Николаевича, пришедшія къ намъ изъ всѣхъ концовъ Россіи, Европы, Америки и Азіи, да послужатъ намъ примѣромъ въ нашей дальнѣйшей работѣ по путямъ, намѣченнымъ Θεодосіемъ Николаевичемъ, а осиротѣвшей семьѣ его хоть нѣкоторымъ утѣшеніемъ.

К. Богдановичъ.

II.

Въ лицѣ Θ . Н. Чернышева сошелъ въ могилу славнѣйшій изъ скончавшихся въ пледѣ тѣхъ ученыхъ, труды которыхъ создали Геологическому Комитету признаніе заслугъ въ Россіи и видное мѣсто среди аналогичныхъ учреждений всего міра. А. О. Михальскій, Н. А. Соколовъ, С. Н. Никитинъ и Θ . Н. Чернышевъ,—вотъ славныя имена соратниковъ на полѣ науки, которыхъ смерть унесла послѣдовательно въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, унесла преждевременно, еще въ такомъ возрастѣ, когда способности и научные интересы ихъ обѣщали многое, и такъ, что утрата cadaго была незамѣнима надолго.

Ө. Н. Чернышевъ являлся геологомъ въ такой мѣрѣ всесторонне образованнымъ, какъ это нечасто встрѣчается.

Области палеонтологіи и петрографіи, вопросы рудныхъ мѣсторожденій и общей геологіи, чистая, также какъ и прикладная наука, — ничто не было ему чуждо, не было вопросовъ, къ разрѣшенію которыхъ онъ не былъ бы въ состояніи приступить единолично, и сказать свое вѣское слово.

Старикъ Уралъ, которому были посвящены многіе годы дѣятельности молодого Чернышева, Тиманъ, до Чернышева, представлявшій на большей части своего протяженія terra incognita, Донецкій бассейнъ, въ отношеніи котораго одинъ изъ предшествующихъ изслѣдователей высказалъ мнѣніе о невозможности для геологовъ, въ виду запутанности его строения, вполне выяснитъ послѣднее, Шпицбергенъ и Новая Земля, и наконецъ горные кряжи Центральной Азіи и Кавказъ, — вотъ тѣ области Россіи, въ которыхъ работалъ Чернышевъ.

Фауны безпозвоночныхъ девона, карбона и перми, колоссальныя мѣсторожденія желѣзныхъ рудъ Средняго Урала въ ихъ генезисѣ и соотношеніи съ изверженными породами, металлическія жильныя мѣсторожденія Донецкаго бассейна, нефть Тимана, ледниковыя образования, постплиоценовая трансгрессія Ледовитаго океана, тектоника горныхъ кряжей, — вотъ краткій перечень областей науки, гдѣ главнѣйше работалъ Чернышевъ.

Я нѣсколько ближе коснусь работъ Чернышева по исторической геологіи и палеонтологіи; въ нихъ онъ являлся стратиграфомъ и фаунистомъ. Онъ съ блестящимъ успѣхомъ справился съ нелегкимъ трудомъ монографической обработки фауны девона Урала и Средней Россіи въ ихъ цѣломъ, во всей совокупности слагающихъ ихъ группъ животнаго царства, обнаруживъ при этомъ эрудицію по части общихъ вопросовъ біономіи и таксономіи.

Имъ выполненъ монументальный трудъ обработки фауны верхнекаменноугольныхъ брахиоподъ Урала и Тимана, дана была впервые строго научная обработка нѣкоторыхъ фаунъ пермокарбона и перми, разобрано распространеніе этихъ верхнепалеозойскихъ фаунъ во всемъ мірѣ и дана параллелизація ихъ горизонтовъ въ различныхъ странахъ. Эти фаунистическія работы послужили для обоснованія установленныхъ имъ стратиграфическихъ подраздѣленій верхнекаменноугольныхъ отложений и девона Урала и Тимана, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ являются соответствующими зонамъ, т.-е. наиболѣе дробнымъ подраздѣленіямъ геологической науки, хотя и были получены при работѣ по составленію листовъ 10-и верстной карты Россіи, уже напередъ обрекающей изслѣдователя на недостиженіе предѣла детализаціи.

Въ отношеніи Донецкаго бассейна, гдѣ работы были начаты подъ руководствомъ Чернышева, если детальная характеристика горизонтовъ палеозоя была выполнена не имъ самимъ, то при его участіи и частью въ его рабочемъ кабинетѣ.

Естественно, что таковой знатокъ фаунъ палеозоя сдѣлалъ сенсаціонное открытіе фауны верхнепалеозойскихъ губокъ... въ томъ, что только-что было описано въ качествѣ коралловъ специалистомъ по коралламъ. И дѣйствительно, было не такъ просто распознать эти губки, при томъ способѣ сохраненія, который онѣ представляли.

Естественно, что вышеупомянутый общій обзоръ распространенія верхнепалеозойскихъ фаунъ удостоился перевода на англійскій языкъ съ нѣмецкаго, на которомъ онъ былъ напечатанъ Чернышевымъ, и что въ свое время, въ 90-ыхъ годахъ Чернышевъ былъ приглашенъ группой германскихъ профессоровъ, какъ авторитетный желанный спутникъ при экскурсіяхъ въ области палеозоя Богеміи для выясненія запутаннаго вопроса о границѣ тамъ силура и девона.

Для Чернышева было нетрудно по первому взгляду определить предъявленные ему окаменѣлости палеозоя и ихъ возрастъ, обыкновенно довольно точно и такъ, какъ никто въ Россіи, кромѣ него, не могъ сдѣлать; съ этой стороны, какъ и со многихъ другихъ, Ѳ. Н. Чернышевъ подвергался настоящей эксплуатаціи, тѣмъ болѣе возможной, что по своему добродушію онъ не дѣлалъ попытокъ обороняться.

Ѳ. Н. Чернышевъ кратковременно занималъ каведру, но имѣлъ учениковъ помимо нея. Первыми учениками его были его сотрудники по работамъ на Тиманѣ и въ Донецкомъ бассейнѣ: Н. І. Лебедевъ, Л. И. Лутугинъ и Н. Н. Яковлевъ, болѣе поздними являются П. И. Степановъ, А. Н. Замятинъ, А. А. Стояновъ и Б. К. Лихаревъ, подъ влияніемъ Чернышева, всѣ по преимуществу занимающіеся палеозоемъ, монографической обработкой его фаунъ.

Я не буду распространяться о дѣятельности Чернышева, какъ организатора геологическихъ изслѣдованій и администратора; эта дѣятельность, особенно интенсивная въ послѣднее десятилѣтіе, у всѣхъ на виду и въ памяти; о ней писали и будутъ писать другіе.

Укажу лишь на неизмѣнное стремленіе Ѳ. Н. ставить дѣло геологическихъ изслѣдованій прежде всего научно. Онъ считалъ, что при такой постановкѣ, и только при ней, все остальное, — всѣ практическіе результаты — приложится само собою. Сколько-нибудь пренебрегать интересами практики Чернышевъ, конечно, не могъ, тѣмъ болѣе, что былъ горнымъ инженеромъ. Первая большая детальная работа пракческаго значенія, которую предпринялъ Геологическій Комитетъ, — изслѣдованіе Донецкаго бассейна подъ руководствомъ Чернышева, вначалѣ встрѣчала недружелюбіе со стороны мѣстныхъ промышленниковъ и даже инженеровъ, имъ хотѣлось имѣть практическія указанія безъ предшествующаго детальнаго и систематическаго геоло-

гическаго изслѣдованія, безъ выясненія какого-то тамъ геологическаго разрѣза, безъ сборовъ ненужныхъ окаменѣлостей и проч., и Чернышеву пришлось потратить не мало энергій, возставая противъ этого ультрапрактицизма, защищая научную постановку изслѣдованія, которую онъ считалъ единственно правильной и ведущей къ желанной цѣли. Время показало, что Чернышевъ былъ правъ, и едва ли въ настоящее время въ Донецкомъ бассейнѣ найдутся люди, полагающіе иначе. Я остановлюсь еще лишь на особенностяхъ личнаго характера *Э. Н. Чернышева*, дѣлавшихъ его такимъ обаятельнымъ.

Добродушіе и доброжелательность, прямота и честность отражались въ его ясныхъ лучистыхъ сѣроголубыхъ глазахъ, открыто смотрявшихъ на собесѣдника и на весь Божій міръ.

Ясность настроенія духа, бодрый оптимизмъ рѣдко оставляли *Э. Н.*, также какъ довѣрчивость и свисходительность въ отношеніи къ людямъ. Онъ умѣлъ быть начальникомъ, умѣлъ приструнить подчиненныхъ въ случаѣ надобности, но никогда не переставалъ быть и товарищемъ, даже по отношенію къ совершенно молодымъ людямъ. Эти качества и другія, — напр., способность увлекаться, по-дѣтски огорчаться, — дѣлавшія его именно какъ-то по-дѣтски привлекательнымъ, вечно проносятся людьми черезъ всю жизнь до возраста и высокихъ положеній, въ какихъ смерть застала Чернышева. Это было ясное солнышко, на которое лишь изрѣдка набѣгали тучки.

Самъ вѣчно за работой, онъ болѣе всего цѣнилъ въ людяхъ работу и постоянно неумоимо подгонялъ въ ней другихъ; если кого-либо не долюбивалъ, то лишь лѣнливо и мало работающихъ.

По словамъ одного изъ высшихъ чиновъ министерства Геологическій Комитетъ могъ добиться для себя строящагося

великолѣпнаго зданія только благодаря Чернышеву; по выраженію этого лица, Чернышевъ буквально никому не давалъ покоя, пока не добился постройки. Онъ никогда не давалъ покоя прежде всего себѣ, почему и нашелъ преждевременный вѣчный покой!

Н. Яковлевъ.

III.

Съ первыхъ шаговъ моей геологической дѣятельности судьбѣ угодно было поставить меня въ близкія отношенія къ Θεодосію Николаевичу, и эти близкія отношенія, не ослабѣвая, продолжались до послѣднихъ дней его жизни, превратившись въ дружбу старшаго товарища съ младшимъ. Совсѣмъ юнымъ инженеромъ, чуть не на второй день послѣ выпуска изъ Горнаго Института, я и мои товарищи А. К. Мейстеръ и Н. Н. Яковлевъ были прикомандированы въ 1893 году къ Геологическому Комитету, и всѣ трое поступили подъ ближайшее руководство Θ. Н. Каждому изъ насъ онъ далъ работу, съ каждымъ тратилъ много времени, наставляя однихъ въ методахъ обработки фауны, показывая другимъ приемы микроскопическаго изученія препаратовъ горныхъ породъ, постоянно пользуясь случаемъ, чтобы ввести насъ въ курсъ геологическаго изученія Россіи и посвятить въ задачи Геологическаго Комитета. Черезъ мѣсяць мы были командированы въ Донецкій бассейнъ, гдѣ въ то время только-что начинались работы по составленію детальной геологической карты; я и Н. Н. Яковлевъ попали въ сѣверный районъ, гдѣ работы велъ Л. И. Лутугинъ, а А. К. Мейстеръ поѣхалъ на югъ къ Н. И. Лебедеву. Самъ Θ. Н., являвшійся главнымъ руководителемъ

этихъ работъ, не имѣлъ опредѣленнаго района полевыхъ изслѣдованій, а разъѣзжалъ по всему бассейну, появляясь тамъ, гдѣ въ немъ чувствовалась нужда. Это былъ трудный періодъ выработки нормальнаго разрѣза донецкихъ каменноугольныхъ отложеній, когда всякія затрудненія и неожиданности были дѣломъ обыкновеннымъ, и потому у насъ на сѣверѣ *Θ. Н.* былъ частымъ и желаннымъ гостемъ. Всегда веселый и бодрый, онъ казался нашимъ ровесникомъ, неутомимо ходилъ по полямъ и лазилъ по балкамъ, не забывая все время учить насъ и словомъ, и дѣломъ. Не довольствуясь той вшучкой, которую представлялъ для насъ районъ работъ *Л. И. Лутугина*, онъ рѣшилъ свозить насъ и въ другія области бассейна, въ Нагольный край, на соляные рудники. Это была не просто прогулка, а настоящая учебная поѣздка, во время которой *Θ. Н.* обращая вниманіе своихъ молодыхъ спутниковъ на все сколько-нибудь интересное, на живыхъ примѣрахъ показывая, какъ для общей геологической картины можно съ успѣхомъ воспользоваться, казалось бы, незначительными деталями.

Эти уроки остались мнѣ памятны на всю жизнь и сослужили большую службу въ Сибири, гдѣ сложность строенія нерѣдко ставитъ втупикъ и очень опытныхъ изслѣдователей.

Каждый изъ насъ, конечно, отлично знаетъ умѣнье *Θ. Н.* разъяснять различныя недоумѣнія геолога въ бѣглыхъ, деликатныхъ замѣчаніяхъ, брошенныхъ мимоходомъ; каждый, конечно, не разъ пользовался его совѣтами въ разныхъ затруднительныхъ случаяхъ и находилъ опору въ его живомъ сочувствіи и искреннемъ и глубокомъ интересѣ къ работѣ каждаго изъ его сотрудниковъ по Комитету. Можно смѣло сказать, что у него въ головѣ всегда была ясная, отчетливая и полная картина работы каждаго изъ насъ, а насъ, вѣдь, въ послѣдніе годы было до 70 человекъ. Ему одинаково интересны и близки были результаты, добытые въ Кѣлецкомъ краѣ и на Анадырѣ,

въ Лапландіи и на границѣ Персіи. Съ каждымъ онъ умѣлъ найти и интересную тему для бесѣды и тѣ слова ободренія, которыя особенно дороги, когда они говорятъ отъ чистаго сердца. А только такъ и говорилъ Θ . Н.

Но какъ бы ни разносторонни были интересы Θ . Н., все же можно указать такія области, которыя привлекали его особенное вниманіе, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время. Одной изъ такихъ областей была Сибирь; въ послѣдніе годы составленіе первой геологической карты азиатскихъ владѣній Россіи стало его *idée fixe*, и онъ глубоко огорчился, когда эта карта, по различнымъ, совершенно постороннимъ, причинамъ технического свойства, все откладывалась и откладывалась. Онъ самъ принималъ живое участіе въ ея составленіи, частью привлекая сотрудниковъ къ этой работѣ, частью доставляя совершенно готовый матеріалъ; еще совсѣмъ недавно онъ самъ хотѣлъ дать геологическую карточку Новой Земли, которая отсутствуетъ на картѣ Европейской Россіи... но судьба судила иначе. Θ . Н. отлично зналъ геологію всей Сибири и Туркестана, но личные вкусы палеонтолога, всю жизнь отдавашаго изученію осадочныхъ отложеній, влекли его на сѣверъ сибирской равнины, гдѣ такія громадныя пространства сложены различными отдѣлами палеозоя. Исторію изученія этихъ отложеній, ихъ характерныя особенности, ихъ распространеніе онъ зналъ, какъ никто, и, пожалуй можно сказать, что его ничто такъ не радовало, какъ какое-нибудь, даже ничтожное, новое открытіе въ этой области. Я живо помню тотъ восторгъ, именно восторгъ, съ которымъ онъ говорилъ о находѣ палеозойскихъ отложеній на Амурѣ, а всѣ мы, всего 2 недѣли тому назадъ, слышали, съ какимъ увлеченіемъ онъ пересказывалъ намъ результаты работъ одного молодого геолога на Вилюѣ. Каждый новый фактъ въ геологіи сѣвера Сибири для Θ . Н. былъ не просто фактомъ, который слѣдуетъ только зарегистрировать,

чтобы не забыть, а новымъ штрихомъ въ той сложной картинѣ исторіи палеозоя, которой постоянно была занята его голова. Въ послѣднее время онъ постоянно лелѣялъ мысль о какой-нибудь сѣверно-сибирской работѣ: то это были экспедиціи Звѣрева и Полевого на Алданъ и Анадырь, то разные новые планы. Онъ часто повторялъ: „безъ изученія Верхоянскихъ горъ и низовьевъ Лены мы не поймемъ исторіи и строенія Сибири“. У Ѳ. Н. не было недостатка въ планахъ по изученію Сибири, и онъ задумывался лишь надъ тѣмъ, откуда взять людей для той массы работы, которая имѣется въ этой странѣ. Его влекли и Верхоянскія горы, и Вилюй, и Яна, и Колыма, а часто даже онъ терялся въ томъ, что интереснѣе, что важнѣе. Не имѣя возможности охватить все разомъ, онъ радовался каждому новому факту, добытому случайной поѣздкой на грошевыя средства. Онъ умѣлъ отыскивать молодыхъ геологовъ въ самыхъ медвѣжьихъ углахъ и всѣми силами старался дать имъ возможность работать и быть полезными дорогой его сердцу геологіи: онъ доставалъ имъ деньги, выхлопывалъ разрѣшенія на поѣздки, составлялъ маршруты, обрабатывалъ матеріалы, все время держалъ ихъ въ состояніи того напряженнаго интереса къ дѣлу, которымъ всю жизнь горѣлъ онъ самъ.

Во главу угла новыхъ штатовъ и новаго устава Комитета онъ положилъ геологическое изученіе любезной его сердцу Сибири, въ которой самъ онъ никогда не бывалъ, но жизнью которой глубоко интересовался; не было въ Петербургѣ такого сибирскаго общественнаго предпріятія, въ которомъ бы онъ не участвовалъ въ роли виднаго члена, и, нѣтъ сомнѣнія, Сибирь въ немъ потеряла одного изъ сильныхъ печальниковъ за ея нужды и интересы.

Увлекаясь вопросами чистой науки, Ѳ. Н. никогда не зарывалъ глазъ на тѣ задачи прикладной геологіи, которыя въ

такомъ множествѣ и многообразіи вставали передъ Геологическимъ Комитетомъ въ послѣдніе годы. И тутъ, какъ вездѣ, онъ не зналъ удержа въ работѣ, и тутъ не было границъ его интересу. Въ эти иногда очень трудныя и отвѣтственныя задачи онъ также вкладывалъ всю силу своего большого ума, весь пылъ своего горячаго сердца. Достаточно, напр., вспомнить то отношеніе, какое онъ проявилъ къ неожиданно свалившемуся ему на голову вопросу объ изученіи Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Получивъ это дѣло совершенно неожиданно весной 1906 года, онъ съ головой ушелъ въ него; въ короткій срокъ уяснилъ себѣ всѣ сложныя взаимоотношенія, сплетшіяся густой сѣтью около больного вопроса о всероссійской лечебницѣ, съ необыкновенной отчетливостью выяснилъ свою линію поведения и ни разу не измѣнилъ ей до самаго конца. Широко задумавъ это дѣло, въ которомъ мнѣ суждено было быть ближайшимъ его сотрудникомъ, онъ грудью стоялъ здѣсь за интересы науки и сумѣлъ отстоять ихъ на всѣхъ позиціяхъ за длинный рядъ лѣтъ. Можно смѣло сказать, что онъ зналъ каждый ударъ долота въ буровыхъ скважинахъ Кисловодска, Ессентуковъ и Желѣзноводска, онъ помнилъ буквально каждое ведро вновь полученной минеральной воды. Въ тревожные дни порчи каптажнаго колодца Нарзана, онъ не побоялся въ 1908 году поѣхать на Кавказъ, лично со всѣмъ ознакомиться; пошатнувшееся уже въ то время здоровье не удержало его отъ утомительной высокогорной поѣздки къ снѣгамъ Эльбруса, чтобы самому получить личное впечатлѣніе о геологіи района и его минеральныхъ источникахъ. Онъ вернулся въ Петербургъ не только съ полной вѣрой въ правильность постановки изслѣдованій его сотрудниками, но и съ запасомъ личныхъ впечатлѣній, которыя позволили ему смѣло настаивать на определенномъ типѣ работъ при ремонтѣ каптажа Нарзана, — томъ типѣ, который, какъ извѣстно, принесъ столь блестящіе плоды.

Боевой періодъ въ работахъ на водахъ давно минулъ, пришла пора спокойныхъ изслѣдованій, но Ѳ. Н. не утратилъ своего интереса къ этому большому и отвѣтственному дѣлу. Совсѣмъ на-дняхъ, желая выслушать лично рассказъ о работахъ въ Желѣзноводскѣ, онъ вызвалъ въ Петербургъ работавшаго тамъ инженера, но Н. Н. Славянову не суждено имѣть своимъ слушателемъ Ѳ. Н.

Интересовалъ его и другой большой практической важности вопросъ о постройкѣ перевальной желѣзной дороги черезъ Кавказскій хребетъ. И здѣсь онъ отдался изученію дѣла съ свойственнымъ ему, такъ хорошо намъ знакомымъ, увлеченіемъ и, не довольствуясь сообщеніями геологовъ, опять-таки самъ рѣшилъ проѣхать весь путь верхомъ и сдѣлалъ это въ 1911 г., несмотря на трудность пути и довольно позднее время года, бодро и весело, получивъ изъ личнаго осмотра матеріалъ, вполне достаточный для того, чтобы имѣть возможность независимо высказывать свое авторитетное сужденіе въ особой комиссіи.

Кавказскія воды и перевальная дорога это — только два примѣра изъ цѣлой массы аналогичныхъ предпріятій. Кто не знаетъ его интереса къ изслѣдованіямъ различныхъ нефтяныхъ областей, золотonosныхъ районовъ, каменноугольныхъ мѣсторожденій? Вездѣ и всегда онъ вкладывалъ въ дѣло всю душу, ничего не дѣлалъ вполовину и всюду стремился дойти до настоящей сути дѣла. Насъ всегда поражала та быстрота, съ которой онъ ориентировался въ любомъ новомъ районѣ, съ которой онъ схватывалъ основныя черты его строенія; всегда импонировало то умѣнье, съ которымъ онъ, отбрасывая въ сторону мелочи, сразу хватался за главное.

Увлекаясь въ своей любимой отрасли знанія, онъ и жилъ съ увлеченіемъ; онъ любилъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, въ особенности жизнь, полную дѣла и впечатлѣній. Минуты отдыха были для него нестерпимы, онъ тогда жестоко ску-

чалъ. Въ ноябрѣ запертый болѣзнью дома, онъ рвался къ людямъ, рвался въ дѣлу, скучалъ, хандрилъ и нервничалъ. Онъ привыкъ думать, что онъ хозяинъ своему уму и своему сердцу, и не хотѣлъ дать имъ даже небольшого отдыха, не считаясь съ тѣмъ, что у организма есть предѣлы допустимой для него работы.

Ө. Н. умеръ на посту, за постройкой своего „дворца геологiи“, за планами новой еще болѣе грандіозной постройки для Академіи Наукъ, оставивъ сиротами два учрежденія, въ которыхъ долго будетъ жить его свѣтлая память, долго будетъ витать его мощный духъ.

А. Герасимовъ.

Списокъ работъ Ѳ. Н. Чернышева.

1881. Скаполитъ изъ Ильменскихъ горъ.
Зап. Имп. Спб. Минер. Общ. 2 сер., т. XVII, стр. 266.
- Аномалія въ формулѣ Ильменскихъ марганцевыхъ гранатовъ.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ. 2 сер., т. XVII, стр. 268.
- О скаполитѣ.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ. 2 сер., т. XVII, прот. стр. 368.
1882. Контакты диабазовъ съ осадочными породами на западномъ склонѣ Урала.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ., 2 сер., т. XVIII, стр. 77.
- Нѣсколько словъ о метеоритѣ, выпавшемъ 21 іюля въ Саратовской губерніи.
Зап. Имп. Спб. Минер. Общ., 2 сер., т. XVIII, стр. 204.
- О контактахъ кристаллическихъ горныхъ породъ.
Зап. Имп. Спб. Минер. Общ., 2 сер., т. XVIII, прот. стр. 265.
- О контактахъ диабазовъ съ осадочными породами.
Зап. Имп. Спб. Минер. Общ., 2 сер., т. XVIII, прот. стр. 269.
- Микроскопическое изслѣдованіе состава и строенія аеролита, упавшаго 21 іюля 1882 г. въ сельцѣ Павловкѣ.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ., 2 сер., т. XVIII, прот. стр. 285.

1883. Геологическія изслѣдованія на западномъ склонѣ хребта
Уральскаго.

Зап. Имп. Спб. Мин. Общ., 2 сер., т. XIX, прот. стр. 178.

— Результаты осмотра горы „Янганъ-Тау“.

Зап. Имп. Спб. Мин. Общ., 2 сер., т. XIX, прот. стр. 199.

— Ueber einen im Gouvernement Saratow am 21 Juli 1882
gefallenen Meteorit.

Zeitschr. d. deutsch. Geol. Ges. 1883.

— Изслѣдованія на западномъ склонѣ Южнаго Урала.

Зап. Имп. Спб. Мин. Общ., 2 сер., т. XIX, прот. стр. 218.

— Предварительный отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ
на западномъ склонѣ Южнаго Урала.

Изв. Геол. Комит., т. II, стр. 31.

— Einige Bemerkungen über silurischen und devonischen Ablagerungen im Südlichen Ural.

Neues Jahrbuch etc. 1883, II.

1884. О нахожденіи *Stigmaria* въ каменномъ углѣ Луньевскихъ копей.

Изв. Геол. Ком., т. III, прот. стр. 30.

— Предварительный отчетъ объ изслѣдованіяхъ на западномъ склонѣ Урала.

Изв. Геол. Ком., т. III, стр. 1.

— Матеріалы къ изученію девонскихъ отложеній Россіи.

Труды Геол. Ком., т. I, № 3.

1885. Геологическія изслѣдованія, произведенныя на Уралѣ лѣтомъ 1884 года.

Изв. Геол. Ком., т. IV, стр. 135.

— Пермскій известнякъ Костромской губерніи.

Горный Журн. 1885, № 1, стр. 80.

— Свѣдѣніи о нахожденіи полезныхъ ископаемыхъ на Новой Землѣ.

Изв. Геол. Ком., т. IV, стр. 411.

- Фауна нижняго девона западнаго склона Урала.
Труды Геол. Ком., т. III, № 1.
- Der permische Kalkstein im Gouvernement Kostroma.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ., 2 сер., XX, стр. 265.
- О фаунѣ известняковъ, развитыхъ въ верховьяхъ р. Вѣлой,
въ окрестностяхъ Тирлянского завода.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ., 2 сер., т. XX, прот. стр. 390.
- 1886.** Геологическія изслѣдованія, произведенныя въ Уфимской
губерніи лѣтомъ 1885 года.
Изв. Геол. Ком., т. V, стр. 13.
- Указаніе на присутствіе девона въ Донецкомъ бассейнѣ.
Горн. Журн. 1886, т. I, стр. 233.
- Отчетъ объ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ области,
прилегающей къ хребту Кара-Тау.
Горн. Журн. 1886 г., т. III, стр. 234.
- (Совмѣстно съ А. П. Карпинскимъ и А. А. Тилло).
Общая геологическая карта Россіи. Листъ 139. Орогра-
фическій очеркъ. Абсолютныя высоты въ Южномъ Уралѣ.
Тр. Геол. Ком., т. III, № 2.
- Ein Hinweis auf das Auftreten des Devons im Donetz-Becken.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ. 2 сер., т. XXII, стр. 289.
- По поводу присланной въ Минералогическое Общество
А. А. Крыловымъ коллекціи окаменѣлостей и горныхъ
породъ.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ., 2 сер. XXII, стр. 306.
- О мѣсторожденіяхъ аксинита на Уралѣ.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ., 2 сер. т. XXII, стр. 325.
- О девонскихъ отложеніяхъ въ окрестностяхъ г. Холма,
по теченію р. Ловати, Куньи, Большого и Малаго Тудра.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ., 2 сер., т. XXII, стр. 335.
- 1887.** Поѣздка въ Уфимскую и Вятскую губернію.
Изв. Геол. Ком., т. VI, № 1, стр. 7.

- Фауна среднего и верхнего девона западного склона Урала.
Тр. Геол. Ком., т. III, № 3.
- 1888. О „пермо-карбонѣ“.
Изв. Геол. Ком., т. VII, прот. стр. 18.
- (Совмѣстно съ С. Никитинымъ). По поводу изданія международной геологической карты Европы.
Изв. Геол. Ком., т. VII, прот. стр., 70.
- Краткій отчетъ объ изслѣдованіяхъ въ юго-западной части области 128-го листа 10-ти верстной карты.
Изв. Геол. Ком., т. VII, стр. 81.
- О геологическомъ изслѣдованіи Печорскаго края.
Изв. Геол. Ком., т. VII, прот., стр. 129.
- Нѣкоторыя данныя о геологическомъ строеніи Астраханскихъ степей.
Изв. Геол. Ком., т. VII, стр. 221.
- Замѣтка о нахожденіи *Spirifer Anosofi* Verp. въ Курляндіи.
Изв. Геол. Ком., т. VII, стр. 233.
- Замѣтка о каменноугольной коллекціи изъ окрестностей Владивостока.
Изв. Геол. Ком., т. VII, стр. 353.
- Докладъ о геологическомъ строеніи Печорскаго края.
Изв. Геол. Ком., т. VII.
- 1889. Общая геологическая карта Россіи. Листъ 139-й. Описаніе центральной части Урала и западнаго его склона.
Тр. Геол. Ком., т. III, № 4,
- Геологическая поѣздка на Уралъ лѣтомъ 1888 года.
Изв. Геол. Ком., т. VII, стр. 121.
- Нѣкоторыя данныя о минеральныхъ богатствахъ сѣвера Европейской Россіи.
Горн. Журн. 1889, т. II, прилож. (Извл. изъ протоков. Собр. Горн. Инж. 1889, II, стр. 116).

- Обь энстатитовой породѣ въ Южномъ Уралѣ.
Зап. Имп. Сиб. Мин. Общ., 2 сер., т. XXV, стр. 347.
- (Совмѣстно съ С. Никитинымъ). Международный геологическій Конгрессъ и его послѣднія сессіи въ Берлинѣ и Лондонѣ.
Горн. Журн. 1889, т. I, стр. 115.
- 1890. О Тиманской экспедиціи 1889 года.
Изв. Геол. Ком., т. IX, прот., стр. 5.
- Тиманскія работы, произведенныя въ 1889 году. Предв. отчетъ.
Изв. Геол. Ком., т. IX, стр. 41.
- Свѣдѣнія о работахъ, произведенныхъ Тиманской экспедиціей въ 1890 г.
Изв. Геол. Ком., т. IX, стр. 205.
- Notes sur le rapport des dépôts carbonifères russes avec ceux de l'Europe occidentale.
Annales de la Soc. géol. du Nord, Lille., т. XVII, p. 201.
- 1891. Тиманскія работы, произведенныя въ 1890 году. Предварительный отчетъ.
Изв. Геол. Ком., т. X, стр. 95.
- Геологическія работы, произведенныя въ 1890 году въ сѣверной части Тиманскаго кряжа.
Горн. Журн. 1891, т. II, стр. 353.
- О ходѣ работъ Тиманской экспедиціи въ 1890 году.
Зап. Имп. Сиб. Мин. Общ., 2 сер., т. XXVIII, стр. 478.
- О геологическомъ строеніи Канинскаго полуострова.
Зап. Имп. Ак. Наукъ, т. LXVII, прилож. II.
- 1892. Случай обособленія золота въ массѣ породы, въ связи съ химическимъ измѣненіемъ послѣдней.
Зап. Имп. Сиб. Мин. Общ., 2 сер., т. XXIX, стр. 225.
- О рудныхъ мѣстороженіяхъ въ Нагольномъ кряжѣ.
Зап. Имп. Сиб. Мин. Общ., 2 сер., т. XXIX, стр. 234.

- (Совмѣстно съ С. Никитинымъ). Иванъ Дементьевичъ Черскій. Некрологъ.
Изв. Геол. Ком., т. XI, стр. 1.
 - Замѣтка о герцинской фаунѣ восточнаго склона Урала.
Изв. Геол. Ком., т. XI стр. 117.
 - Поѣздка въ Америку на международный геологическій Конгрессъ въ Вашингтонѣ.
Горн. Журн. 1892, т. I, стр. 134.
 - Aperçu sur les dépôts posttertiaires en connexion avec les trouvailles des restes de la culture préhistorique au nord et à l'est de la Russie d'Europe.
Congrès intern. archéolog. Moscou. 1892, vol. I, p. 35.
 - Матеріалы къ изученію алтайской девонской фауны.
Изв. Геол. Ком., т. XI, стр. 199.
 - (Въ сотрудничествѣ съ другими лицами). Геологическая карта Европейской Россіи.
Масштабъ 60 верстъ въ 1 дюймѣ.
- 1893.** Materialien zur Kenntniss der devonischen Fauna des Altais.
Зап. Имп. Слб. Мпнер. Общ., 2 сер., т. XXX, стр. 1.
- Фауна нижняго девона восточнаго склона Урала.
Тр. Геол. Ком. т. IV, № 3.
 - Геологическія работы, произведенныя въ Донецкомъ бассейнѣ въ 1892 году.
Изв. Геол. Ком., т. XII, стр. 73.
 - (Совмѣстно съ С. Никитинымъ) Дмитрій Григорьевичъ Сергѣевъ. Некрологъ.
Изв. Геол. Ком., т. XII, стр. 13.
 - Мѣсторожденія цинковыхъ и свинцовыхъ рудъ въ Нагольномъ крямѣ.
Горн. Журн. 1893.
- 1894.** Геологическія работы, произведенныя въ Донецкомъ бассейнѣ въ 1893 году.
Изв. Геол. Ком., т. XIII, стр. 117.

- О дополнительныхъ работахъ въ Донецкомъ бассейнѣ.
Изв. Геол. Ком., т. XIII, стр. 46.
- О геологическомъ строеніи Новой Земли.
Зап. Имп. Спб. Минер. Общ., 2 сер., т. XXXI, стр. 389.
- 1895.** О мѣсторожденіяхъ золота въ Нагольномъ краѣ, въ землѣ
Войска Донского.
Зап. Имп. Спб. Минер. Общ., т. XXXIII, прот., стр. 36.
- О поѣздѣ на Новую Землю лѣтомъ 1895 года.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ., 2 сер., т. XXXIII, прот., стр. 56.
- (Совмѣстно съ Г. Романовскимъ, П. Еремѣевымъ,
Ө. Шмидтомъ, А. Карпинскимъ и И. Мушкетовымъ). Рецензія на сочиненіе І. И. Лагузена „Краткій
учебникъ палеонтологіи“, представленное на соисканіе
преміи Минералогическаго Ощества.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ., 2 сер., т. XXXIII, прот., стр. 68.
- Геологическія работы, произведенныя въ Донецкомъ бас-
сейнѣ въ 1894 году.
Изв. Геол. Ком., т. XIV, стр. 269.
- (Совмѣстно съ Г. Д. Романовскимъ). Отчетъ объ осмотрѣ
мѣсторожденій свинцовыхъ и цинковыхъ рудъ, разра-
батываемыхъ г. Глѣбовымъ въ Нагольномъ краѣ.
Горн. Журн. 1895, т. I, стр. 223.
- 1896.** О наиболѣе существенныхъ чертахъ тектоники Новой
Земли.
Зап. Имп., Спб. Минер. Общ., 2 сер., ч. XXXIV, прот., стр. 18.
- (Совмѣстно съ Л. Лутугинимъ). Фосфориты въ Устьесы-
сольскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи.
Изв. Геол. Ком., т. XV, прот., стр. 12.
- Опредѣленіе коллекцій ископаемыхъ, собранныхъ въ юго-
западной части 140 листа по лѣвой сторонѣ р. Бѣлой.
Изв. Геол. Ком. т. XV, прот., стр. 54.
- Новоземельская экспедиція 1895 года.
Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XXIV.

- Den ryska expeditionen till Novaja Semlia 1895.
Umer, 1896, № 3.
- 1897.** Записка о прилегающих къ Уфѣ участкахъ Самаро-Златоустовской желѣзной дороги, представленная въ Горный Департаментъ въ 1887 году.
Изв. Общ. Горн. Инж., 1897, № 1, стр. 16.
- О Шелково-Протоцкомъ имѣніи въ Донецкомъ бассейнѣ.
Изв. Геол. Ком., т. XVI, прот., стр. 12.
- О продолженіи буренія артезианскаго колодца въ г. Таганрогѣ.
Изв. Геол. Ком., т. XVI, прот., стр. 43.
- О причинахъ сильныхъ магнитныхъ аномалій въ Курской губерніи.
Изв. Геол. Ком., т. XVI, прот., стр. 48.
- О работахъ по составленію пластовой карты Донецкаго бассейна.
Изв. Геол. Ком., т. XVI, прот., стр. 90.
- A partir de la ville d'Oufa jusqu'au versant oriental de l'Oural.
Guide des excursions du VII Congrès géol. intern. St. Pétersb. 1897.
- Le chemin de fer de l'Oural dans les limites des districts miniers de Taguil et de Goroblagodat.
Guide des excurs. du VII Congr. géol. intern. St. Pétersb.
- (Avec L. Loutouguine). Le bassin du Donetz.
Guide des excurs. du VII Congès géol. intern. St. Pétersb.
- (Avec N. Sokolov). De Koursk au bassin du Donetz.
Guide des excurs. du VII Congrès géol. intern. St. Pétersb.
- (Совмѣстно съ Л. Лутуринымъ). Донецкій бассейнъ.
Изв. Общ. Горн. Инж. 1897. № 11 и 12.
- 1898.** Геологическое строеніе мѣстности вдоль Самаро-Златоустовской желѣзной дороги и полезныя ископаемыя этого района.
Вѣстникъ Золотопром. Томскъ 1898.

- Полезныя ископаемыя вдоль Уральской желѣзной дороги въ предѣлахъ Тагильскаго и Гороблагодатскаго округовъ.

Вѣстникъ Золотопром. Томскъ 1898.

- (Совмѣстно съ Л. Лутугинымъ). Полезныя ископаемыя Донецкаго бассейна.

Вѣстникъ Золотопром. Томскъ 1898.

- Замятка объ артинскихъ и каменноугольныхъ губкахъ Урала и Тимана.

Изв. Имп. Акад. Наукъ, т. IX, № 1.

- О достоинствѣ залежей каменнаго угля на участкѣ между станціями Варварополье и Марьевка Юго-Восточной ж. д.

Изв. Геол. Ком., т. XVII, прот. стр. 82.

- О находкѣ каменнаго угля на р. Яренгѣ.

Изв. Геол. Ком., т. XVII, прот. стр. 99.

- (Совмѣстно съ Н. Яковлевымъ). Фауна известняковъ мыса Гребени на Байгачѣ и р. Нехватовой на Новой Землѣ.

Изв. Геол. Ком., т. XVII, стр. 337.

1899. Ueber die Artinsk- und Carbon-Schwämme vom Ural und vom Timan.

Зап. Имп. Сиб. Мин. Общ., 2 сер., ч. XXXVI, стр. 1.

- (и. Jakowlew, N.). Die Kalksteinfauna des Cap Grebeni auf der Waigatsch-Insel und des Flusses Nechwatowa auf Nowaja Semlja.

Зап. Имп. Сиб. Минер. Общ., 2 сер., ч. XXXVI, стр. 55.

- Василий Алексѣевич Наливкинъ и Николай Васильевичъ Григорьевъ. Некрологъ.

Изв. Геол. Ком., т. XVIII, стр. 1.

1900. Геологическая карта Тиманскаго края. Масшт. 1:420,000.

Сиб. 1900.

- О работахъ экспедици по градуснымъ измѣреніямъ на Шпицбергенѣ.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ., 2 сер., ч. XXXVIII, прот., стр. 18.
- О фаунѣ, собранной Д. А. Клеменцомъ въ Джунгарской Гоби.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ., 2 сер., ч. XXXVIII, прот., стр. 44.
- О мѣстороженіяхъ нефти на Уралѣ и въ Приуральѣ.
Изв. Геол. Ком., т. XIX, прот. стр. 90.
- 1901. О запасахъ желѣзной руды и о благонадежности Сыростанскаго 2-го, Филинскаго и Уржумо-Петровскаго рудниковъ Златоустовскаго горнаго округа.
Изв. Геол. Ком., т. XX, прот., стр. 64.
- О ходѣ работъ экспедици по градуснымъ измѣреніямъ на островахъ Шпицбергена въ 1899—1900 г.
Изв. Имп. Ак. Наукъ, т. XIV, стр. 255 и 351.
- Русская экспедиція на Шпицбергенѣ.
Міръ Божій, 1901 г., кв. 2, стр. 256—284 и кв. 3, 223—245.
- 1902. О тектоникѣ Тимана и объ отношеніи тиманской дислокаціи къ другимъ областямъ сѣвера Европы.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ. 2 сер., ч. XXXIX, прот., стр. 29.
- О находкѣ *Calceola sandalina* Lam. на Уралѣ.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ., 2 сер., ч. XXXIX, прот., стр. 35.
- Верхнекаменноугольныя брахіоподы Урала и Тимана.
Тр. Геол. Ком., т. XVI, № 2.
- Работы экспедици по градуснымъ измѣреніямъ на Шпицбергенѣ въ 1901 году.
Изв. Имп. Ак. Наукъ, т. XVI, стр. 133—157.
- (Совмѣстно съ Л. Лугунинымъ). Обь изслѣдованіи мѣстороженій ископаемаго угля въ Туркестанскомъ краѣ.
Изв. Геол. Ком., т. XXI, прот., стр. 4.
- Обь улучшенія качествъ воды Уфимскаго водопровода.
Изв. Геол. Ком., т. XXI, прот., стр. 46.

- (Совмѣстно съ Н. Ф. Погребовымъ). О геологическомъ строеніи западной части Сѣверной жел. дор.
Изв. Геол. Ком., т. XXI, прот., стр. 103.
- (Совмѣстно съ С. Никитинымъ и Н. Погребовымъ).
Результаты осмотра Хревицкихъ ключей.
Изв. Геол. Ком., т. XXI, прот., стр. 117.
- Работы экспедиціи по градуснымъ измѣреніямъ на Шпицбергенѣ въ 1901 г.
Міръ Божій 1902, кн. 8, стр. 78—90.
- Die Arbeiten der Gradmessungs Expedition auf Spitzbergen im Jahre 1901.
Rede gehalten in der Jahressammlung d. Kais. Akad. d. Wissensch. 29 Dez. 1901, St.-Pet. Zeitung, 1902.
- 1903.** (Совмѣстно съ С. Никитинымъ и А. Державинымъ).
Артезианскія воды на ставціяхъ Княгинино и Шекшема жел. дороги Вологда—Вятка.
Изв. Геол. Ком., т. XXII, прот., стр. 22.
- (Совмѣстно съ Ю. Шокальскимъ). Отзывъ о трудахъ Н. М. Книповича.
Отчетъ Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1902 г. Спб. 1903.
- 1904.** О верхнекаменноугольныхъ морскихъ отложеніяхъ Россіи въ связи съ распространеніемъ гомотаксальныхъ осадковъ въ различныхъ областяхъ Евразіи, Америки, американскаго полярнаго архипелага и Австраліи.
Зап. Имп. Спб. Мин. Общ., 2 сер., ч. XLI, прот., стр. 10.
- Объ экскурсіи въ Карпійскіе Альпы, о результатахъ послѣдней экспедиціи Фрама и о книгѣ Катцера „Grundzüge der Geologie des unteren Amazonasgebietes“.
Зап. Имп. Сиб. Минер. Общ., 2 сер., ч. XLI, прот., стр. 30.
- The Upper Palaeozoic Formations of Eurasia. (Transl. by prof. Bruhl).
Records Geol. Surv. of India, vol. XXXI, part 3.

- О недавно вышедшемъ сочиненіи „Bau und Bild Oesterreichs“.
Зап. Имп. Сиб. Мин. Общ., 2 сер., ч. ХLI прот., стр. 40.
- Отзывъ о трудахъ Ф. Б. Шмидта.
Отчетъ Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1903 г., стр. 88, Сиб. 1904.
- Рефератъ книги С. Diener, R. Hörnes, F. Suess u. V. Uhlig—
Bau und Bild Oesterreichs.
Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., XL, 1904.
- (Совмѣстно съ К. Богдановичемъ и Л. Ячевскимъ).
Памяти Александра Октавіановича Михальскаго.
Изв. Геол. Ком., т. XXIII, № 10, стр. 1.
- 1905.** (Совмѣстно съ Н. А. Соколовымъ и Г. П. Михайловскимъ). О мѣсторожденіяхъ въ Россіи криолита, боксита, квасцовогаго камня и каолина.
Изв. Геол. Ком., т. XXIV, прот., стр. 23.
- А. О. Михальскій. Некрологъ.
Зап. Имп. Сиб. Мин. Общ., 2 сер., ч. ХLII, прот., стр. 60.
- А. А. Штукенбергъ. Некрологъ.
Зап. Имп. Сиб. Мин. Общ., 2 сер., ч. ХLIII, прот., стр. 27.
- Отзывъ о трудахъ Я. С. Эдельштейна.
Отчетъ Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1904 г. Сиб. 1905.
- 1906.** О ходѣ работъ X сессіи международнаго геологическаго конгресса.
Изв. Геол. Ком., т. XXV, прот., стр. 161.
- Докладъ о трудахъ X сессіи Международнаго Геологическаго Конгресса въ Мексикѣ въ 1906 году.
Изв. Имп. Ак. Наукъ, 1906, т. XXV, стр. IV—VI.
- В. И. Вишняковъ. Некрологъ.
Зап. Имп. Сиб. Мин. Общ., 2 сер., ХLIV, прот., стр. 12.
- Гори. инж. Анзиміровъ. Некрологъ.
Зап. Имп. Сиб. Мин. Общ., 2 сер., ХLIV, прот., стр. 30.

- А. Н. Карножицкій. Некрологъ.
Зап. Имп. Сиб. Мин. Общ., 2 сер., т. XLIV, прот., стр. 30.
- В. И. Воробьевъ. Некрологъ.
Зап. Имп. Сиб. Мин. Общ., 2 сер., ч. XLIV, прот., стр. 34.
- 1907. Памяти Николая Алексѣевича Соколова. Некрологъ.
Изв. Геол. Ком., т. XXVI, стр. 1.
- О результатахъ обработки матеріаловъ, собранныхъ въ
Большеземельской тундрѣ.
Зап. Имп. Сиб. Мин. Общ., 2 сер., ч. XLV, прот., стр. 7.
- О найденномъ В. И. Воробьевымъ на Сѣверномъ Кав-
казѣ верхнемъ триасѣ.
Зап. Имп. Сиб. Минер. Общ., 2 сер., ч. XLV, прот., стр. 25.
- Объ открытіи верхняго триаса на Сѣверномъ Кавказѣ.
Изв. Имп. Акад. Наукъ, 1907. № 10, стр. 277.
- Новыя данныя по геологіи Большеземельской тундры.
Изв. Имп. Акад. Наукъ, 1907 г. № 8, стр. 205.
- 1908. Памяти Фридриха Богдановича Шмидта. Некрологъ.
Изв. Геол. Ком., т. XXVII, № 10, стр. 1.
- О работахъ, необходимыхъ для выясненія нефтеносности
Ухтинскаго района.
Изв. Геол. Ком., т. XXVII, прот., стр. 261.
- Очеркъ дѣятельности Геологическаго Комитета.
Труды 1 Всеросс. Съѣзда Дѣятелей по Практич. Геологіи и развѣд.
дѣлу, Спб. 1908, стр. 1.
- 1909. Памяти Сергѣя Николаевича Никитина. Некрологъ.
Изв. Геол. Ком., т. XXVIII.
- С. Н. Никитинъ. Некрологъ.
Изв. Имп. Ак. Наукъ, VI сер., т. III, стр. 1171.
- 1910. (Совмѣстно съ М. Бронниковымъ, В. Веберомъ и
А. Фаасомъ). Андижанское землетрясеніе 3/16 декабря
1902 года.
Тр. Геол. Ком., Нов. сер., вып. 54.

- Историческая геологія. (Девонъ).
Курсъ лекцій, читанныхъ въ 1908—1910 г.г. въ Горн. Институтѣ
Ими. Екатерины II. Вып. I, Сиб. 1910. (Изданіе литографи-
рованное).
- (Совмѣстно съ А. П. Карпинскимъ). Отчетъ о работахъ
XI сессіи Международнаго Геологическаго Конгресса
въ Стокгольмѣ съ 5/18 по 12/25 августа 1910.
Изв. Имп. Ак. Наукъ, VI сер., т. IV, стр. 1091.
- 1911.** Схемы подраздѣленія до-кембрійскихъ и палеозойскихъ
отложеній.
По курсу лекцій исторической геологіи, читанному 1908—1910 г.г.
въ Горн. Инст. Импер. Екатерины II. Спб. 1911. (Изданіе лито-
графированное).
- О возможности полученія хорошей питьевой воды при
углубленіи буровой скважины на фабрикѣ Севрюгина
близъ города Кинешмы.
Изв. Геол. Ком., т. XXX, прот., стр. 1.
- 1912.** (Совмѣстно съ Н. Погребовымъ). О возможности полу-
ченія артезианской воды хорошаго качества въ г. Че-
реповцѣ.
Изв. Геол. Ком., т. XXXI, прот., стр. 249.
- 1913.** Очеркъ дѣятельности Геологическаго Комитета съ 1903 г.
и задачи будущей его дѣятельности.
Труды 2-го Всероссийскаго Съѣзда Дѣятелей по практ. геологіи
и развѣдочн. дѣлу въ 1911—1912 г.г. въ С.-Петербургѣ, Спб. 1913.
- Отзывъ относительно продолженія буровыхъ развѣдоч-
ныхъ работъ по р. Ухтѣ средствами казны.
Изв. Геол. Ком., томъ XXXII, № 4, проток., стр. 65.
- 1893—1913.** (Совмѣстно съ другими лицами). Carte géologique
internationale de l'Europe. Feuilles *E₁*, *E_n* и друг.

Выраженія соболѣзнованія по поводу кончины
Ө. Н. Чернышева, полученныя Геологическимъ
Комитетомъ.

Длинный списокъ печатныхъ трудовъ Ө. Н. Чернышева въ изданіяхъ Геологическаго Комитета, Имп. Академіи Наукъ, Имп. Минералогическаго Общества, Горномъ Журналѣ и друг. наглядно свидѣтельствуетъ о яркости его талантовъ, какъ ученаго. Научныя заслуги его высоко цѣнились и были отмѣчены такими званіями, какъ академика Имп. Академіи Наукъ, почетнаго доктора университетовъ Марбургскаго, Женевскаго, Грейфсвальдскаго, Христіанійскаго и въ Торонто, почетнаго члена: Общ. Естествоиспытателей при Имп. Унив. Св. Владимира, Имп. Московскаго Общ. любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, Уральскаго Общ. любит. естествознанія, Имп. Минер. Общ., Оренбургскаго Орд. Имп. Русск. Геогр. Общ.; Научнаго Общ. Antonio Alzate въ Мексикѣ, Société Géologique de Belgique въ Лиежѣ; члена корреспондента: Геолог. Общества (Geologiska Föreningen) въ Стокгольмѣ, Королевскаго Общества наукъ въ Гёттингенѣ (Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen), Американскаго Геолог. Общества (The Geological Society of America); члена: Имп. Московскаго Общества Испытателей природы, С-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей, Имп. Русск. Геогр. Общества; Лондонскаго Геолог. Общества (Foreign Member of the Geolog. Society of London), Математическо-естественно-

историческаго класса Videnskabs Selskabet въ Христіаніи, Нѣмецкаго Геолог. Общества (Deutsche Geolog. Gesellschaft), Американскаго Философскаго Общества (American Philosophical Society) въ Филадельфіи.

Болѣ убѣдительно, чѣмъ даже эти знаки официальнаго признанія научнаго значенія покойнаго, выражаютъ намъ исключительное значеніе *Θ. Н. Чернышева*, какъ одного изъ творцовъ русской геологической науки, тѣ слова сочувствія и глубокаго сожалѣнія, какія при первыхъ же извѣстіяхъ о его кончинѣ пришли со всѣхъ концовъ Россіи, Европы, Америки и Азіи.

Геологическимъ Комитетомъ были получены телеграммы и письма отъ геологическихъ учрежденій всѣхъ странъ, высшихъ представителей администраціи, университетовъ и высшихъ горныхъ школъ, ученыхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ. Въ яркихъ и прочувствованныхъ словахъ эти краткія выраженія отгѣняютъ всю огромность потери, понесенной въ лицѣ *Θ. Н. Чернышева* геологической наукой, также популярность и симпатію, которыми пользовался покойный ученый среди научныхъ круговъ всѣхъ странъ.

Изъ Парижа:

Tous les géologues de France ressentent vivement la perte de Tschernyschew et s'associent au deuil des géologues russes. Veuillez présenter l'expression de la profonde sympathie à la famille.

Termier.

Изъ Берлина:

Tief erschüttert beklagen wir den vorzeitigen Tod des hervorragenden Gelehrten und Freundes, der unsere Bestrebungen so wirkungsvoll unterstützte.

Königliche Geologische Landesanstalt. Beyschlag.

Изъ *Христиании*:

Avec vous les géologues norwegiens regrettent profondément la perte de notre confrère eminent. Le feu Mr. Tschernycheff a gagné beaucoup des amis sincères chez nous.

Service Géologique Norwegien. Hans Reusch.

Изъ *Вны*:

Veillez accepter mes condoléances les plus sincères. Le defunt était un savant de premier ordre et par-dessus un homme excellent. Vous perdez un bon directeur et cher confrère, moi — je déplore la perte d'un de mes meilleurs amis.

Tietze.

Eduard Suess bittet das Comité géologique bei dem Verluste seines berühmten Führer den aufrichtigen und herzlichen Theilnahme ihrer ergebenen E. Suess versichert zu sein. Uns allen ist eine Leuchte erloschen.

Der *Verein der Geographen* an der k. k. Universität zu Wien hat Ihre Mitteilung vom Hinscheiden Ihres verdienstvollen Direktors, des Herrn Théodose Tschernycheff, mit tiefer Trauer und grösster Anteilnahme zur Kenntnis genommen.

Der Verein der Geographen bittet Sie, sein innigstes Beileid anlässlich dieses schweren Verlustes, den Sie und die gesamte Wissenschaft infolge des Ablebens des bewährten und hochverdienten Forschers zu beklagen haben, entgegenzunehmen.

Ich habe mit einer wahren Bestürzung und mit tiefem Schmerze von dem Ableben Ihres auch von mir hochverehrten Direktors, des Herrn Akademikers Th. Tschernyschew,

Kenntnis erhalten. Der Verstorbene war mir ein lieber persönlicher Freund, dem meine Frau und ich stets ein liebevolles Andenken bewahren werden. Ich bitte Sie, den Mitgliedern des Geologischen Komites, dessen Arbeiten mir stets die grösste Bewunderung eingeflösst haben, den Ausdruck meiner aufrichtigen Teilnahme an diesem schweren Verluste zu übermitteln.

Dr. *Carl Diener.*

Изъ *Буданевца:*

Au nom de l'Institut géologique du Royaume Hongroise je vous présente les plus vives condoléances à l'occasion du décès inattendu de Monsieur le Directeur Tschernycheff et regarde ce fait lamentable comme une grande perte pour la science.

Loczy.

Изъ *Стокгольма:*

Messieurs,

C'est avec une profonde et sincère émotion que moi et tous les membres de l'Institut Géologique de la Suède nous avons reçu votre télégramme, annonçant que le Directeur du Comité Géologique de Russie, le Professeur Th. Tschernyschew, était mort subitement le 15 de ce mois.

Cette triste nouvelle a d'autant plus affecté les géologues suédois qu'ils avaient eu l'occasion, tant en Suède qu'au Spitzberg, de travailler avec le Professeur qui, au cours de ce travail, s'était fait un grand nombre d'amis dévoués. Je peux donc vous assurer, que tous nous conserverons du défunt un souvenir respectueux et reconnaissant.

Je vous présente, Messieurs, l'expression de mes sentiments distingués.

J. G. Andersson.

La déplorable perte de Tschernycheff est profondément regrettée par ses nombreux amis suédois.

Gerard de Geer.

Изъ Рима:

Sincères condoléances de Bureau géologique italien pour la perte d'illustre Directeur.

Aichino.

Изъ Мадрида:

Institut géologique d'Espagne prend part très sincère dans la perte de votre digne directeur.

Directeur de l'institut
géologique d'Espagne

Adaro.

Изъ Лиссабона:

Service géologique portugal prend vive part à la perte de Monsieur Tchernyscheff.

Изъ Токио:

Imperial Geological Survey of Japan grieves with profound sympathy death of Director Tchernyschew.

Изъ Букареста:

Messieurs, La direction de l'institut géologique de Roumanie vous exprime les regrets profonds pour la mort du regretté Théodosé Tschernyscheff et présente ses condoléances sincères au Comité géologique de Russie pour la perte de son savant et illustre collaborateur.

Dr. Popovici, Dr. Hatzeg.

Изъ Канады, Оттава:

Dear Sirs,

I was shocked to learn by your cablegram this afternoon of the death of Director Tschernycheff. I cabled you the regrets

and sympathy of the Geological Survey and the Executive Committee of the Twelfth International Geological Congress. By his death our science loses one of its most distinguished savants. On his visit to Canada, last summer, to attend the Twelfth International Geological Congress, personal contact with him not only increased our respect for him as a brilliant scientist, but developed a warm affection for him as a man.

Again expressing my sympathy with you for your very great loss, I am,

Yours very sincerely,

R. W. Brock.

Изъ Брюсселя:

C'est avec une profonde douleur que le Service géologique de la Belgique a reçu le télégramme que vous lui avez fait l'honneur de lui adresser au sujet du décès inopiné de votre Vénéré Directeur, M. Théodose Tschernyscheff.

Nous vous prions d'agréer ici, au nom du Comité géologique de la Russie, l'expression de nos compliments de profondes condoléances.

Il ne nous appartient pas d'apprécier l'importance des services que cet éminent savant a rendus à sa patrie au cours d'une longue et laborieuse carrière.

Mais la perte de M. Tschernyscheff est des plus sensibles pour la science, qui nous est chère, et encore au point de vue des relations internationales.

En ce qui concerne l'influence de ses travaux sur les progrès de la géologie, ne suffit-il pas de rappeler qu'il fut le troisième lauréat du prix Spendiarioff et encore que tout récemment il nous montrait avec fierté les épreuves des premières feuilles de la Carte géologique internationale du Monde, sur lesquels étaient figurés, pour la première fois, avec quelque exactitude, les traits structuraux de la Russie arctique.

Pour ce qui est des relations internationales, faut-il dire que tout récemment encore, au Congrès de Toronto, j'ai été témoin du silence bienveillant et respectueux qui accueillait l'entrée à la séance du Comité, de celui qui avait été l'organisateur de la triomphale réunion de Saint-Pétersbourg et dont les avis, marqués au coin du bon sens et de l'expérience la plus profonde, étaient accueillis avec une respectueuse déférence.

Nous avons donc toutes raisons de pleurer avec vous la mort de ce grand savant. Nous avons, avec vous, toutes raisons de la déplorer, nous qui, chargés d'organiser le XIIIe Congrès international de géologie, comptions pour beaucoup sur ses lumières.

L'homme était d'ailleurs une de ces figures souriantes auxquelles la science n'a rien enlevé de leur grâce naturelle. Partout, il ne connaissait que des amis, sans parvenir peut-être à les compter, tant leur nombre était grand.

Veuillez agréer, Monsieur le sous-Directeur, avec l'expression réitérée de nos compliments de condoléances, l'assurance de ma considération très distinguée.

L'Ingénieur des Mines,
Chef du Service géologique,

Arm. Renier.

Изъ Вашингтона, Смятсоновскій Институтъ.

The Institution desires to assure the Géological Committee of its deep regret at this information, and begs to convey its sympathy at the loss sustained by the death of this distinguished scholar.

Изъ Албани, Нью-Йоркъ:

The Geological Survey of the State of New-York has learned with profound regret and grieves of the death of the dis-

tinguished Director of the Comité Géologique and fully realizes the severe loss thereby to the science of Geology.

John M. Clarke

Director.

Изъ *Калькутты*:

Gentlemen,

Your telegram announcing the sudden death of your late Director, M. Th. Tschernyschew, reached me on the 16th January and I hasten to express to you the very deep regret of my colleagues and my self at the great loss that you, in common with the whole scientific world, have suffered. At the time of the receipt of your telegram a meeting of the Indian Science Congress was in progress in Calcutta and I am authorised to convey to you the deep sympathy of that body.

Yours faithfully,

Director, Geological Survey of India.

Hayden.

Изъ *Мексико*, отъ Геологическаго Института:

Nous venons d'apprendre la douloureuse nouvelle de la mort de M. Théodose Tchernycheff, Directeur du Comité Géologique de Russie. La grande réputation scientifique du défunt aussi que ses remarquables travaux scientifiques assurent à sa mémoire un souvenir impérissable.

L'Institut tout entier, en mon nom, vous prie très respectueusement d'agréer ses sincères sentimens de condoléance à l'occasion de ce deuil.

Veuillez agréer, Messieurs, l'assurance de ma plus haute considération.

Le Directeur,

José G. Aguilera.

Изъ Сеула, Корея:

Gentlemen: —

I have recieved with astonishment your note announcing the death of Mr. Théodose Tchernycheff, director of your committee. Our bureau mourns sincerely the sad affair and the great loss of your country.

Very respectfully,

S. Murata.

Chief of Mining Bureau of the Department
of Agriculture, Commerce and Industry.

Выраженія соболъзнованія были присланы также изъ Бразиліи отъ Musée National de Rio de Janeiro, изъ Лейпцига отъ Königlich Sächsische Geologische Landesanstalt, изъ Страсбургга отъ Geologische Landesanstalt von Elsass-Lothringen; изъ Мюнхена отъ Königl. Bayer. Oberbergamt и D. u. Ö. Alpenverein; изъ Берлина отъ Deutsche Geologische Gesellschaft, изъ Гамбургга отъ Naturwissenschaftlicher Verein in Hamburg, изъ Кляусталя отъ Königl. Bergakademie zu Clausthal i. Harz, изъ Милана отъ Reale Istituto Lombardo di Scienze e Lettere и отъ La Societa Italiana di Scienze Naturali, изъ Венеціи отъ Reale Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti, изъ Турина отъ Reale Accademia delle Scienze, изъ Рима отъ Societa Geologica Italiana и Reale Ufficio geologico d'Italia; изъ Вѣны отъ K. K. Geographische Gesellschaft, изъ Зальцбургга отъ Gesellschaft für Salzburger Landeskunde, изъ Брюнна отъ Naturforscher Verein; изъ Граца отъ Naturwissenschaftlicher Verein, изъ Лиежа отъ Société géologique de Belgique, изъ Парижа отъ Société de Géographie, изъ Лейдена отъ Rijks Geologisch-Mineralogisch Museum, изъ Копенгагена отъ Danmarks Geologiske Undersogelse, Geologisk Rigsinstitut; изъ

Амстердама отъ L'Académie royale des Sciences d'Amsterdam, изъ Манчестера отъ Manchester Geological a. Mining Society, изъ Катанѣ отъ R. Academia di Scienze, Lettere e Arti degli Zelanti, изъ Галле на Саалѣ отъ Sächs.-Thüringischer Verein für Erdkunde, изъ Будапешта отъ Société géologique hongroise, изъ Флоренціи отъ l'Institut géologique de Florence, изъ Генуи отъ Le Comité géologique d'Italie, изъ Іены отъ Medicinisch-naturwissenschaftliche Gesellschaft, изъ Ганновера отъ Naturhistorische Gesellschaft, изъ Праги отъ Regia Societas scientiarum Bohemica, изъ Нанси отъ Société des sciences de Nancy, изъ Кэнъ отъ Faculté des sciences de Caen и профессора Bigot, изъ Брюсселя отъ l'Académie royale de Belgique и Société Royale Belge de Géographie; отъ профессоровъ Alb. Heim, Franz Toula, W. Kilian, Emmanuel de Margerie, Louis Duparc, N. Rygg, E. Kayser, L. Mrazec, Jos. Morozewicz, F. Becke.

Отъ проф. Люжона изъ Лозанны получено слѣдующее письмо:

Je reçois à l'instant la triste nouvelle de la mort de votre Directeur Théodose Tschernyschew.

Croyez-bien que je participe à votre grande douleur et cette douleur est en même temps la mienne. Je comptais le regretté disparu dans le nombre de mes amis et je sais qu'il me comptait comme tel.

Combien son beau visage duquel émanait l'intelligence et le bonté était agréable à rencontrer! Je me souviens encore des dernières journées passées avec lui à Dundee, il y a dix huit mois. A la pensée que nous ne verrons plus cet homme aimable, et grande savant, cet admirable organisateur, mon coeur se serre.

Là, devant moi, j'ai la photographie qu'il ma envoyée il y a un an. Elle est a côté de celle d'un autre de mes grands

amis, de Marcel Bertrand. Ainsi deux hommes, qui furent des grands, sont toujours là pour me servir d'exemple, si non par eux-même, mais par bon image et leurs pensées qui, elles, ne meurent pas.

Veillez, Messieurs, porter de ma part mes sentiments de condoléance à la famille de notre ami défunt, et recevoir, de votre confrère qui pleure avec vous, l'expression de sa profonde sympathie.

M. Lugeon.

Изъ Гёттингена отъ Geologisch-paläont. Institut университета:

Die Nachricht vom Tode des Direktors des Comité Géologique de Russie Théodose Tchernycheff haben wir erhalten, und aufs aufrichtigste beklagen wir mit Ihnen das Verscheiden dieses grossen Gelehrten. Für den unterzeichneten Direktor verknüpfen sich mit der Persönlichkeit des Verschiedenen um so wehmütigere Erinnerungen, als es ihm vergönnt war, noch im letzten Sommer wochenlang in seiner Gesellschaft die Gebiete Kanada's zu bereisen. Wie die Geologen der ganzen Welt so werden auch die Mitglieder unseres Göttinger Institutes an den Verschiedenen stets die herzlichste Erinnerung und die Dankbarkeit für das, was er unserer Wissenschaft geschenkt hat, bewahren.

H. Stille.

Изъ Гельсингфорса отъ Commission géologique de Finlande:

Nous avons appris avec profond regret la triste et inattendue nouvelle du décès de notre très-honoré maître et collègue Théodose Nicolaievitch Tchernycheff. La perte que la géologie russe et particulièrement aussi votre Comité souffrent par la mort du grand savant, de l'initiateur énergique, de l'organi-

sateur incomparable, éveille notre plus vive douleur et compassion, et à la fois nous nous souvenons aussi avec profonde reconnaissance de ce qu'il nous a fait de bon, de son enseignement, de son aide généreux, de l'amitié personnelle qu'il a montré à plusieurs de nous. Dans le cercle des chefs de la science géologique internationale, où on était accoutumé depuis longtemps à entendre sa parole si souvent décisive, il laissera un vide qui ne se remplira pas.

Son oeuvre subsiste et témoignera à l'avenir de ses mérites pour le progrès scientifique de la Russie et du monde entier.

Agrérez à la fois, chers collègues, nos salutations fraternelles et l'expression de notre espoir d'une coopération amicale continuée.

J. J. Sederholm.

Benj. Frosterus.

Hugo Berghell.

V. Tanner.

Victor Hackman.

O. Trüstedt.

Студенты русскаго геологическаго фрейна въ Фрейбергѣ прислали трогательное выраженіе горести по поводу „скатившейся русской звѣзды“.

Первая телеграмма была получена Комитетомъ отъ г. Министра Торговли и Промышленности:

Глубоко опечаленный столь неожиданной кончиной искренне уважаемаго Θεодосія Николаевича, прошу передать семьѣ усопшаго мое самое сердечное соболѣзнованіе. Для Вѣдомства это огромная, трудно замѣнимая потеря.

Тимашевъ.

Отъ бывшаго министра Торговли и Промышленности Шипова:

Преклоняясь передъ свѣтлой памятью почившаго Θεодосія Николаевича Чернышева, глубоко соболѣзную о тяжелой для науки и Геологическаго Комитета утратѣ. Да будетъ легка земля знаменитому ея изслѣдователю.

Шиповъ.

Отъ Императ. Русскаго Техническаго Общества:

Общество просить Комитетъ принять и передать семьѣ покойнаго Директора Комитета глубокое соболѣзнованіе по случаю кончины дорогаго Θεодосія Николаевича, жизнь котораго была посвящена живой, неутомимой и плодотворной работѣ научной и общественной.

Ковалевскій.

Отъ Совѣта Горнаго Института и С.-Петербур. Политехническаго Института, отъ Лабораторіи Минералогіи и Геологіи того же Института.

Изъ *Москвы*: Семья геологовъ, работающихъ въ Университетѣ, во главѣ съ профессоромъ А. П. Павловымъ, одна изъ первыхъ выразила Комитету соболѣзнованіе въ понесенной имъ и всей русской наукой тяжелой утратѣ. „Понесенная Геол. Комитетомъ утрата особенно горестно отзывается въ сердцахъ всѣхъ, кому дороги интересы русской науки, такъ какъ Θεодосія Николаевича высоко уважали, цѣнили и любили не только лица, съ нимъ вмѣстѣ работавшія, но далеко отъ него стоявшія и знавшія о его высокихъ душевныхъ качествахъ только по рассказамъ своихъ товарищей“.

Отъ Московскаго Сельскохозяйственнаго Института и проф. Самойлова; отъ Минералогическаго кабинета Университета и проф. Глинки; отъ Имп. Московскаго Общества испытателей природы и профессоровъ Мензбира, Лейста и Дейнега; отъ

Высшихъ женскихъ Курсовъ; отъ геологовъ А. В. Павлова, М. Цвѣтаевой, проф. Обручева.

Изъ *Казани*—отъ семи казанскихъ геологовъ во главѣ съ проф. Кротовымъ и отъ Казанскаго Общества Естествоиспытателей.

Изъ *Варшавы*—отъ Физико-Математическаго Факультета Имп. Варшавскаго Университета, отъ геологовъ Варшавскаго Политехническаго Института и проф. Амалицкаго, геолога Григоровича-Березовскаго.

Изъ *Юрѣва*—отъ профессора Тарасенко.

Изъ *Кіева* — отъ Физико-Математическаго Факультета Универ. Св. Владимира и Коммерческаго Института.

Изъ *Харькова*—отъ Совѣта Създа горнопромышленниковъ юга Россіи, отъ Общества Испытателей Природы при Имп. Харьковскомъ Университетѣ.

Изъ *Екатеринослава* — отъ Совѣта Екатеринославскаго Горнаго Института, отъ профессора Лебедева, горн. инж. Сучкова, Хоминскаго, Юзбашева, Степанова.

Изъ *Одессы*—отъ Физико-Математическаго Факультета Имп. Новороссійскаго Университета, отъ профессора Ласкарева, отъ Совѣта Новороссійскаго Общ. Естествоиспытателей и проф. Танфильева, отъ Правленія Крымско-Кавказскаго Горнаго Клуба.

Изъ *Риги*—отъ Рижскаго Политехническаго Института и Техническаго Общества въ Ригѣ.

Изъ *Воронежа*—отъ Совѣта Воронежскаго сельско-хозяйственнаго института.

Изъ *Новой-Александріи*—отъ Совѣта Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства, отъ группы геологовъ и почвовѣдовъ Криштафовича, Попова, Смирнова, Ватина и Баракова.

Изъ *Новочеркасска*—отъ Совѣта Алексѣевскаго Донскаго Политехническаго Института.

Изъ *Томска*—отъ геологовъ и инженеровъ Гудкова, Лавр-скаго, Тове, Усова; отъ Томскаго Горнаго Управленія.

Изъ *Иркутска* — отъ горныхъ инженеровъ Оранскаго, Чермака, Игаріонова, Тихомирова, Лабзина, Егорова, Данилова, Овиденко, Грабовскаго и Хаустова.

Изъ *Рима* и *Тюбингена*—отъ заброшенныхъ туда горныхъ инженеровъ Малявкина и Маковскаго; изъ Хелуана, около Каира, отъ профессора Богословскаго.

Съ *Кавказа* отъ геологовъ Фогта, Хлапонина, Губкина, Стопневича, Славянова; отъ Терскаго отдѣленія Имп. Русск. Технич. Общества, отъ Русскаго Бальнеологическаго Общества въ Пятигорскѣ, отъ Кавказскаго отдѣла Имп. Русскаго Геогр. Общества.

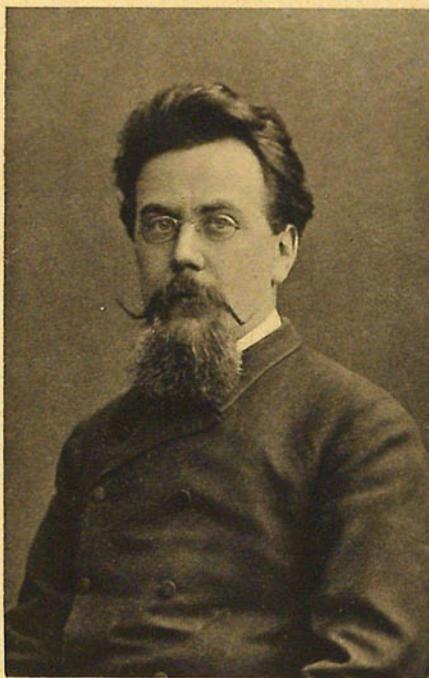
Изъ разныхъ мѣстъ Россіи—отъ Курскаго Статистическаго Комитета, отъ Оренбургскаго отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общества и геолога Д. Соколова, отъ Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества, отъ Общества изученія Смоленской губерніи, отъ Пермской городской общественной Библіотеки, изъ Красноярска отъ М. Киборта и отъ многихъ другихъ лицъ.

1869 г.

1872 г.

1882 г.

Оеодосій Николаевичъ Чернышевъ

18 $\frac{12}{IX}$ 56 г. — 19 $\frac{2}{I}$ 14 г.

Краткій біографическій очеркъ.

К. И. Богдановича.

Русская геологическая наука находится въ глубокомъ траурѣ, раздѣляемомъ вмѣстѣ съ нами и самыми блестящими представителями нашей науки въ различныхъ странахъ.

Тридцать три года тому назадъ появилось впервые на горизонтѣ русской геологической науки имя молодого горнаго инженера О. Н. Чернышева. Почти съ первыхъ же годовъ своего появленія имя это стало свѣтить свѣтомъ крупной величины, неуклонно разгоравшимся все сильнѣе и скоро признаннымъ чуткими авторитетами Западной Европы и Америки — звѣздой первой величины. Ярко и ровно горѣла съ тѣхъ поръ эта звѣзда, озаряя свѣтомъ знанія и труда поле не только русской геологіи, но и міровой, такъ какъ каждый ударъ неутомимаго молотка О. Н. Чернышева вызывалъ живые отклики и на берегахъ Дуная, Шпре, Сены и по ту сторону океановъ. Неутомимый изслѣдователь въ тундрахъ и лѣсахъ сѣвера Урала, на его скалистыхъ вершинахъ, во льдахъ Новой Земли и Шпицбергена, подъ ледниками Тянь-шаня и въ

пустыняхъ Большаго бассейна Сѣв. Америки, — глубокой и вдумчивый палеонтологъ за своимъ рабочимъ столомъ, — широкаго кругозора геологъ въ полѣ, на профессорской кафедрѣ и въ своихъ трудахъ, О. Н. Чернышевъ былъ для насъ тѣмъ, что опредѣляется однимъ словомъ — maître.

Какъ человекъ, О. Н. Чернышевъ представлялъ собою натуру сильную, цѣльную, характера открытаго и яснаго.

Интересы, которыми онъ жилъ съ первыхъ же шаговъ своей самостоятельной дѣятельности, были сосредоточены на наукѣ, которой онъ служилъ всѣми силами своей исключительно талантливой натуры. Бодро и успѣшно, казалось, прошелъ онъ свой жизненный путь, прерванный такъ преждевременно и неожиданно; но этотъ путь не былъ усыпанъ розами; это былъ путь утомительный и съ препятствіями, требовавшими не только опредѣленно выраженной и исключительной талантливости, но также изъ ряда выдѣляющихся энергіи и трудоспособности. Жизнь О. Н. Чернышева можетъ служить примѣромъ скромной и напряженной трудовой жизни. Яркія черты ученаго *par excellence* тѣсно переплетались въ немъ съ чертами бодраго и въ то же время чуткаго человека, и именно это сочетаніе дѣлало его такимъ близкимъ для всѣхъ окружающихъ, все равно искали ли они въ немъ ученаго или человека. Гармоничность всего его характера, цѣльность всей его натуры быстро устанавливали въ отношеніи О. Н. Чернышева ту непринужденность, которая при болѣе продолжительномъ знакомствѣ съ нимъ для многихъ переходила въ хорошую дружбу, въ которой онъ всегда являлся стороной дававшей много и ничего не требовавшей.

Такие люди скрашиваютъ будни жизни, и настолько же интересно, сколько и поучительно прослѣдить хотя бы поверхностно, какъ намѣчались въ такихъ людяхъ съ юныхъ лѣтъ тѣ черты характера, которыми позднѣе такъ ярко и выпукло

отдѣнялся ученый крупной величины и бодрый хорошій, въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, человекъ.

Ө. Н. Чернышевъ родился въ Кіевѣ въ 1856 г. ¹⁾ и въ честь мѣстнаго угодника св. Θεодосія Печерскаго былъ окрещенъ Θεодосіемъ. Предки его со стороны отца были родомъ изъ Вологды, а со стороны матери — нѣмцы изъ Прибалтійскаго края. Дѣтскіе и юношескіе годы онъ провелъ въ Кіевѣ и съ малыхъ лѣтъ овладѣлъ украинскимъ языкомъ такъ-же хорошо, какъ и русскимъ. Впослѣдствіи, во время его путешествій по Австріи, это обстоятельство дало ему возможность объясняться съ чехами и галичанами вполнѣ свободно; случайное обстоятельство, а мы знаемъ, какъ маленькія народности цѣнятъ въ чужестранцѣ знаніе ихъ мѣстнаго языка.

Горячо любилъ Ө. Н. свою родину, прекрасный Кіевъ, широкій Днѣпръ, малорусскихъ поэтовъ и мелодіи украинскихъ пѣсней. Въ послѣдній вечеръ передъ кончиной, будучи въ гостяхъ, онъ напѣвалъ одну изъ такихъ любимыхъ украинскихъ пѣсней, которая оказалась для него „лебединой“.

Сколько разъ въ послѣдніе годы онъ въ кругу своихъ близкихъ вспоминалъ съ дѣтскимъ умиленіемъ свою послѣднюю прогулку, лѣтъ десять тому назадъ, съ компаніей друзей-кіевлянъ на Асвольдову могилу, куда онъ убѣгалъ въ дни дѣтства.

Ө. Н. былъ третьимъ сыномъ въ большой семьѣ, отецъ и мать которой были заняты тяжелымъ трудомъ преподаванія не только своимъ дѣтямъ, но еще больше чужимъ. Сначала мальчикъ былъ предоставленъ старушкѣ-нянѣ, вынянчившей всѣхъ дѣтей въ семьѣ его отца, а подросткомъ онъ пользо-

¹⁾ Матеріаломъ для составленія этого очерка мнѣ послужили замѣтки сына покойнаго ученаго, доктора В. Ө. Чернышева, которому мы должны выразить искреннюю признательность за сохраненіе для насъ многихъ деталей жизни своего отца.

вался своимъ временемъ съ большой свободой, предаваясь иногда довольно смѣлымъ для малыша прогулкамъ по окрестностямъ Кіева и берегамъ Днѣпра въ обществѣ только преданнаго большого пса „Буца“. Зимой такія экскурсіи разнообразились бѣганьемъ на конькахъ за десятки верстъ иногда по слабому льду Днѣпра и Лыбеди. Предпримчивость и самостоятельность будущаго путешественника получила въ этихъ прогулкахъ первые уроки.

Исподволь шли и школьныя занятія съ мальчикомъ; они его не затрудняли, и уже 9 лѣтъ онъ поступилъ въ 1-й классъ гимназіи, гдѣ сразу сталъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ; малыша широко эксплуатировали великовозрастные „старички“ для неизбежнаго подсказыванія, но зато онъ имѣлъ въ нихъ и надежную охрану отъ обычныхъ покушеній со стороны „задиръ“.

Ө. Н. всю жизнь съ любовью вспоминалъ своего любимаго молодого учителя-латиниста, который, по его словамъ, напоминалъ типъ Козлова изъ гончаровскаго „Обрыва“. Этотъ латинистъ, конечно, оказавшійся непригоднымъ въ послѣдующіе годы Толстовскаго классицизма, читалъ съ учениками римскихъ авторовъ, разорялся на книги и гравюры для иллюстраціи классиковъ, знакомилъ учениковъ съ благороднымъ духомъ классицизма, а не съ его мертвой буквой.

Что такая система преподаванія классицизма давала недурные плоды даже въ отношеніи изученія языка, показываетъ уже то, что Ө. Н. до своего конца могъ свободно цитировать длинныя латинскія стихотворенія и изреченія, заученныя еще на школьной скамьѣ. Еще въ гимназіи мальчикъ сталъ пользоваться невинной популярностью благодаря своей музыкальности и очень красивому высокому голосу, позволявшему ему свободно исполнять партіи сопрано, какъ „Антониды“ и другія. Гимназистомъ онъ уже изучилъ цѣлыя оперы Сѣрова, Дар-

гомыжскаго, Мусоргскаго, Глинки и друг.; нерѣдко въ послѣдствіи онъ и насъ удивлялъ своей замѣчательной музыкальной памятью.

Между прочимъ въ его юные годы игуменья, знакомая его родителей, использовала голосъ мальчика довольно своеобразно. По воскресеньямъ его увозили въ монастырь, переодѣвали служкой и ставили на клирость среди монахинь, гдѣ онъ и исполнялъ пѣснопѣнія соло для сопрано.

Миновали дѣтскіе годы, приближалось блестящее окончаніе гимназіи, но случайное обстоятельство повернуло судьбу юноши въ другую сторону. Въ Кіевъ пріѣхалъ старшій знакомый семьи Чернышевыхъ, ученикъ отца Ѡ. Н., морской офицеръ А. И. Харзѣевъ, самъ въ то время уже преподаватель математики въ Морскомъ Училищѣ того времени.

Своими разказами о морѣ, морскихъ путешествіяхъ и другихъ странахъ онъ совершенно увлекъ мальчика, который рѣшилъ оставить гимназію и поступить въ Морское Училище. 14 лѣтъ мальчикъ покидаетъ Кіевъ, отправляется на почтовыхъ въ Москву и держитъ экзамены въ Морское Училище. Легкая близорукость чуть было не испортила всего дѣла, но заступничество того же А. И. Харзѣева, спасло положеніе, а блестящіе результаты экзаменовъ побудили начальство училища примириться съ близорукостью мальчика.

Какъ въ гимназіи классиками, такъ здѣсь съ жаромъ принялся мальчикъ за морскія науки, гимнастику и строевую службу. Положительные успѣхи и на этомъ поприщѣ сдѣлали его любимцемъ морскихъ офицеровъ училища, а уживчивый, открытый и веселый характеръ — любимцемъ товарищей, избравшихъ его даже для салютванія и рапортованія отъ кадетъ императору Александру II въ случаяхъ посѣщенія училища Государемъ.

Въ училищѣ юноша прошелъ хорошую физическую школу;

вѣдь тогда водили на крещенскій парадъ молодыхъ моряковъ въ однихъ мундирахъ. Эта тренировка подготовила изъ юноши впоследствии выносливаго путешественника въ тундрахъ сѣвера и на Шпицбергенѣ.

Учебныя плаванія были праздникомъ для юнаго моряка; онъ до конца своихъ дней съ любовью вспоминалъ начальника учебной эскадры, адмирала Бутакова, котораго онъ называлъ „Безпокойнымъ адмираломъ“ Станюковича. На старомъ парусномъ „Варягѣ“ онъ совершилъ нѣсколько плаваній; изъ него готовъ былъ выработаться отличный морякъ, нѣжно любящій свою грозную подчасъ среду, сохранившій до конца дней своихъ любовь къ кораблю, къ старымъ товарищамъ, среди которыхъ были такіе, какъ Рудневъ, Родіоновъ и другіе. Море и Морское Училище остались для него дорогими по крѣпкимъ воспоминаніямъ юношескихъ лѣтъ; впоследствии онъ совершилъ плаванія на Шпицбергенъ, Новую Землю, въ Бѣлое и Карское моря, въ Америку и т. д. больше, чѣмъ иной профессиональный морякъ; когда можно было выбирать путь моремъ или по сушѣ, онъ всегда отдавалъ предпочтеніе первому. Жизненный путь, казалось, былъ намѣченъ удачно и вѣрно, и все-таки передъ самымъ производствомъ въ мичманы юный гардемаринъ покинулъ морскую службу, даже огорчая на этотъ разъ своихъ старѣющихъ родителей.

Въ юношѣ пробуждается жажда свободы, подѣ влияніемъ, многимъ изъ насъ знакомыхъ, нѣкоторыхъ ненормальностей односторонней дисциплины, когда вопреки справедливости и самаго успѣха службы приходится говорить „есть“ въ отвѣтъ на замѣчанія, неумѣстныя по существу и формѣ.

Юноша оставляетъ флотъ, но не море, безъ колебаній и смѣло; изъ всѣхъ специальныхъ школъ, двери которыхъ были пріоткрыты для юнаго гардемарина, его привлекаетъ Горный Институтъ съ его широкой научной программой. Легко от-

крываетъ онъ, столь тяжелую для другихъ, дверь этой школы; не смущаетъ его и то, что надо не только учиться, но и бороться за право учиться и жить. Родители—люди небогатые, поддержки ожидать нельзя, да они и обижены его уходомъ изъ флота. Приходится не только учиться, а интересъ къ наукѣ начинаетъ поглощать и завлекать все крѣпнущее самосознаніе юноши, но и хлопотать объ урокахъ, чтобы жить. Недаромъ, О. Н. впоследствии былъ такъ чутокъ къ заботамъ о недостаточныхъ студентахъ, такъ какъ самъ прошелъ и эту горькую школу жизни — полную необеспеченность завтрашняго дня.

Въ третій разъ съ такимъ же жаромъ, какъ и въ первые два, отдается отставной морякъ дѣлу изученія новыхъ для него отраслей знанія. Химія и минералогія становятся его любимыми занятіями; старая, привлекательная въ своей тѣснотѣ и какой-то интимности, лабораторія нашего Института становится для него, какъ и для многихъ другихъ его сверстниковъ и послѣдующихъ товарищей, вторымъ домомъ. Не знаю, какъ теперь, но еще и въ мое болѣе позднее время для насъ молодыхъ студентовъ право работать въ лабораторіи, видимымъ знакомъ котораго было полотенце на плечѣ студента, торопливо поѣдающаго свой скудный завтракъ въ знаменитомъ буфетѣ около раздѣвальни, казалось такимъ отраднымъ и такимъ желаннымъ. Сколько идей, которыми Институтъ можетъ гордиться въ трудахъ такихъ своихъ учениковъ, какъ Е. С. Федоровъ, Н. С. Курнаковъ, зародились, быть можетъ, въ стѣнахъ этой старой лабораторіи.

Одинъ изъ нашихъ коллегъ выразился, говоря о покойномъ О. Н., что онъ „любилъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, въ особенности жизнь, полную дѣла и впечатлѣній“; хорошія слова. Увлеченіе лабораторными занятіями, левціями такихъ профессоровъ, какъ молодого тогда и уже столь из-

вѣстнаго А. П. Карпинскаго; смѣна однихъ предметовъ другими, трудность многихъ экзаменовъ,—не лишаютъ Ѳ. Н. жизнерадостности. Передъ экзаменами накануне онъ спѣшитъ въ театръ, чаще всего въ „Буффъ“, чтобы освѣжить голову безхитростнымъ и заразительнымъ веселіемъ какой-нибудь французской оперетки; онъ не забываетъ за занятіями и своихъ знакомыхъ кіевлянъ, переселившихся въ Петербургъ. Чаще всего находитъ онъ время посѣтить домъ милого ему старика Р. Р. Кушкѣй, куда, очевидно, привлекаетъ его племянница хозяйина, дѣвушка, знакомая ему съ дѣтства; при переходѣ его на 5 курсъ эта дѣвушка, Валентина Александровна, становится спутницей его жизни; съ нѣжной привязанностью къ ней онъ сошелъ и въ могилу.

Въ 1880 г. окончень институтъ, и передъ Ѳ. Н. открылась широкая дорога къ самостоятельной дѣятельности. Обязательства заставляютъ его одно время колебаться въ выборѣ работы; какъ знающаго инженера и извѣстнаго по своимъ способностямъ всѣмъ профессорамъ института, его привлекаютъ къ геологическимъ работамъ Горнаго Департамента на Уралѣ подъ руководствомъ проф. В. Мёллера; завязываются знакомства, и нѣкоторые дальновидные горнопромышленники, какъ Балашевы, сразу оцѣниваютъ способности и знанія молодого инженера, дѣлая ему очень лестныя предложенія. Заботы о семьѣ съ рожденіемъ перваго сына заставляютъ Ѳ. Н. задумываться надъ такими предложеніями; къ счастью, въ 1882 г. учреждается Геологическій Комитетъ, и организационное Присутствіе этого нарождающагося учрежденія избираетъ Ѳ. Н. младшимъ геологомъ въ числѣ другихъ пяти.

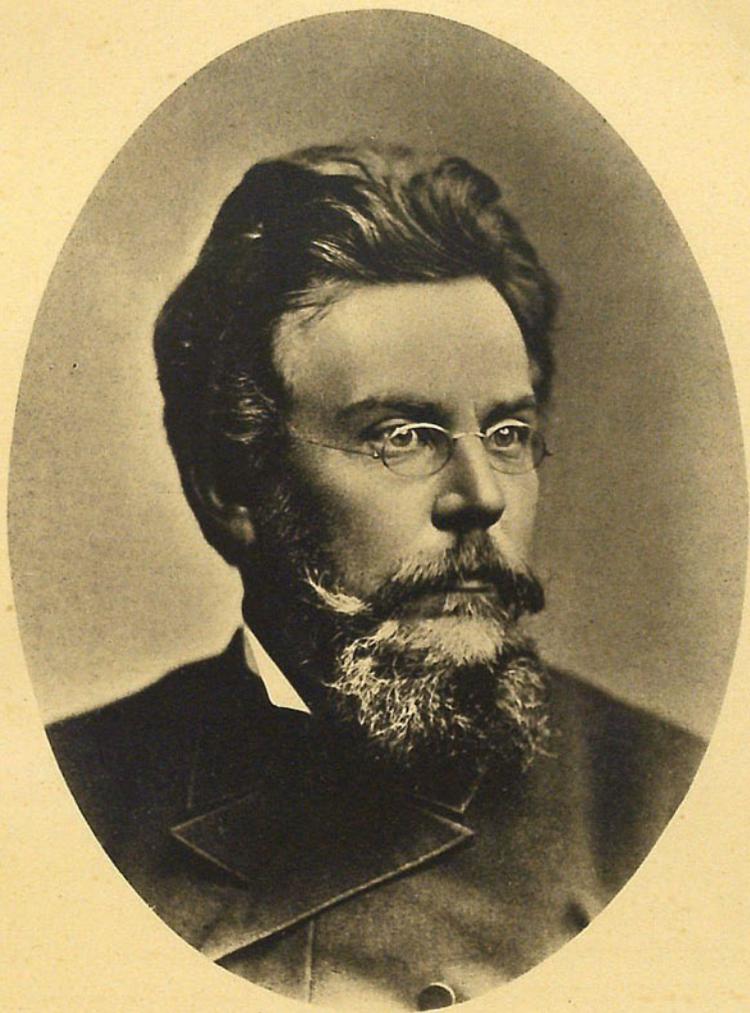
Содержаніе младшаго геолога было тогда со всѣми прибавками около 100 р. въ мѣсяцъ, но Ѳ. Н. и его молодая супруга съ радостью отказывались отъ матеріальныхъ выгодъ ради возможности широкой научной работы, въ которую Ѳ. Н.

послѣ первыхъ же работъ на Уралѣ втягивался все сильнѣе. Ко времени зачисленія въ Геол. Комитетъ въ семьѣ Чернышевыхъ было уже двое ребятишекъ, и будущему свѣтилу русской геологической науки приходилось нерѣдко братья за уроки, лишая себя послѣ занятій въ Комитетѣ свободныхъ часовъ среди семьи. Къ этому времени, въ 1884 г., относятся и первыя встрѣчи пишущаго эти строки съ Чернышевымъ. Какъ сейчасъ помню, какъ я и нѣкоторые изъ моихъ товарищей, болѣвшіе уже геологіей, старались подъ разными предлогами проникнуть въ три комнаты въ концѣ нашего нижняго корридора, откуда постоянно появлялись въ Институтской библиотекѣ какіе-то инженеры и господа въ пиджакахъ, не принадлежавшіе къ составу нашего учебнаго персонала. Въ тайны этихъ трехъ комнатъ, носившихъ для насъ непонятное названіе Геологическаго Комитета, меня посвятилъ добрѣйшій оригиналъ, нашъ бібліотекаръ П. В. Еремѣевъ, бывшій лично для меня одной изъ симпатичнѣйшихъ фигуръ нашей старой *almae matris*; овъ же, постукивая своей табакеркой, ориентировалъ меня и среди персонала Комитета, рассказывая—кто этотъ чернородый (С. Н. Никитинъ), чѣмъ занимается тотъ плотный красивый шатенъ (Ө. Н. Чернышевъ), какъ учился въ институтѣ этотъ высокій съ такими лѣнивыми движеніями молодой инженеръ (А. О. Михальскій). Теперешнее поколѣніе молодыхъ геологовъ, быть можетъ, съ улыбкой прочтетъ эти строки, рассказывающія какой несказанной радостью было для меня, когда въ 1884 г. „самъ“ А. П. Карпинскій ввелъ меня въ эти комнаты, предметъ нашихъ желаній, поручивъ мнѣ перечислить какую-то сотню-другую высотныхъ данныхъ съ метровъ на русскія мѣры. Библиотека Института была той почвой, на которой впервые я сталъ встрѣчать и Ө. Н. Вниманіе мое и моихъ товарищей невольно привлекалъ этотъ полный жизни бодрый человекъ, всегда весело напѣвавшій какой-

нибудь мотивъ. Вскорѣ представился случай и познакомиться; нужно было достать коллекцію образцовыхъ шлифовъ для занятій съ микроскопомъ во время Рождественскихъ каникулъ; И. В. Мушкетовъ не могъ дать и послалъ со своей рекомендаціей въ *Θ. Н.*, который съ радостью далъ мнѣ имѣвшуюся у него коллекцію, а послѣ полугода знакомства предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ лѣтомъ 1885 г. на Уралъ въ качествѣ лектора. Къ этому году *Θ. Н.* былъ уже избранъ въ старшіе геологи Комитета; кажется, и ему самому казалось, что онъ достигъ предѣла желательнаго матеріальнаго благосостоянія; онъ такъ былъ весело и бодро настроенъ, что, повидимому, и не замѣчалъ, какъ я ему надоѣдалъ передъ поѣздкой на Уралъ иногда своими посѣщеніями на квартиру, какъ сейчасъ помню, на 5-ой линіи, а я съ эгоизмомъ юноши и не хотѣлъ ничего замѣчать, счастливый возможностью общенія то съ И. В. Мушкетовымъ, то съ *Θ. Н.*, имя котораго уже упоминалось и на лекціяхъ *А. П. Карпинскаго*.

Средства, выдававшіяся въ то время Комитетомъ на изслѣдованія Урала, иногда на площади въ тысячи квадратныхъ верстъ, были очень скромны, и, хотя бы старшему геологу, приходилось быть очень экономнымъ и расчетливымъ.

Θ. Н. покупалъ по пріѣздѣ на Уралъ лошадку, которая должна была сама промышлять себѣ пропитаніе, пользуясь только въ рѣдкіе пріѣзды гостепріимствомъ конюшни, напр., Симскихъ заводовъ; нанималъ башкирина или полѣсовщика, бралъ запасъ очень скудной провизіи, въ которой слишкомъ большую роль игралъ лавровый листъ, и отправлялся на недѣли въ горы и лѣса Урала. Даже въ 1885 г. онъ не могъ пользоваться палаткой, такъ какъ считалъ, что много хлопотъ съ ея перевозкой, а предпочиталъ проводить ночи подъ открытымъ небомъ, завернувшись въ кошму и съ своимъ бухарскимъ сѣдломъ подъ головою.

1885 г.

Θ. Н. очень основательно пояснял мнѣ достоинства этого сѣдла и съ гордостью прибавлялъ, что сѣдло очень дорогое— 15 рублей заплачено и то по случаю. Сначала Θ. Н. возилъ съ собою своего коллектора, и я помню, что за это время при поѣздкахъ по дачамъ Симскаго завода мы, можно сказать, не высыхали, радуясь рѣдкимъ лѣснымъ сторожкамъ, какъ какой-нибудь „Асторіи“. Θ. Н. до конца дней своихъ не могъ забыть, какъ однажды онъ меня заѣздилъ до такой степени, что рано утромъ я заснулъ, сидя на лошади, и, конечно, проснулся уже на мокрой травѣ, и Θ. Н. съ удивленіемъ искалъ глазами своего коллектора, замѣтивъ, что моя лошадь, очень довольная неожиданнымъ облегченіемъ, мирно слѣдовала сзади безъ сѣдока.

Θ. Н. обладалъ въ тѣ годы желѣзнымъ здоровьемъ, да оно и нужно ему было въ особенности. Передъ нимъ одинъ за другимъ возникали вопросы геологіи, разрѣшенію которыхъ посвящены лучшія страницы его книгъ, а для этихъ страницъ нуженъ былъ изумительный и кропотливый трудъ по работкѣ собираемой имъ фауны. Научная извѣстность Θ. Н. ярко и быстро разгоралась, но этотъ свѣтъ приходилось поддерживать цѣлой многими мѣсяцевъ работы, нерѣдко цѣлой многими бессонныхъ ночей. Объ этомъ знаютъ лучше всего только его близкіе, о которыхъ онъ неизмѣнно и бодро заботился, не забывая въ увлеченіи наукой ни своихъ старыхъ уже родителей, ни маленькихъ дѣтей.

Θ. Н. былъ очень интереснымъ собесѣдникомъ; мнѣ пришлось ближе узнать его съ этой стороны нѣсколько позднѣе въ годы 1886—1888, и затѣмъ въ 1891—93, во время такъ называемыхъ „Бернаровскихъ“ засѣданій Минералогическаго Общества. Такъ назывались засѣданія группы геологовъ, дѣлавшихъ привалъ при возвращеніи домой послѣ засѣданій Минералогическаго Общества въ ресторанѣ „Бернара“

на углу 8-й линіи, неизмѣнно въ первые годы подѣ предсѣ-
дательствомъ извѣстнаго минералога М. В. Ерофеева, скон-
чавшагося въ 1888 г. Наибольше постоянными участниками
этихъ засѣданій были С. Н. Никитинъ, А. О Михальскій,
баронъ Э. Толль и Ө. Н., который нерѣдко и дѣлился съ
слушателями разсказами о своихъ приключеніяхъ во время
экскурсій, иногда забавныхъ, а въ иныхъ случаяхъ и доста-
точно жуткихъ, въ родѣ часового сидѣнья на обрывѣ скалы
на бер. Бѣлой въ ожиданіи пока башкиры достанутъ веревокъ,
чтобы его вытащить изъ западни, или блужданія голодными
самъ - другъ съ зыряниномъ по Большеземельской тундрѣ
и т. под. Много невзгодъ пришлось испытать Ө. Н. во время
его многочисленныхъ путешествій, но закаленное здоровье, на-
ходчивость и никогда не покидавшія его бодрость и добро-
душіе выручали его изъ самыхъ рискованныхъ положеній,
оставлявшихъ, по мнѣнію самого Ө. Н., только матеріаль
для охотничьихъ разсказовъ. Къ несчастью, это не было такъ,
и онъ рѣшительно и преждевременно подорвалъ свое здоровье,
не шая его ради научнаго интереса и неразсчетливо рас-
ходуя свои физическія силы.

Во время Тиманской экспедиціи случилось, что Ө. Н. и
его спутники питались въ теченіе десяти дней только морош-
кой, которую собирали на тундрѣ. Въ другой разъ во время
той же экспедиціи изъ състныхъ припасовъ остался лишь кар-
тофель, но упрямый кашеваръ зырянинъ, вошедшій въ роль
повара и соблюдая этикетъ, ежедневно утромъ спрашивалъ
Ө. Н.: „что будетъ на обѣдъ и ужинъ? — картофельъ?“ Не
отъ недостатка предусмотрительности приходилось иной разъ
страдать Ө. Н. во время путешествій, — ея у него было больше,
чѣмъ у кого другого, но отъ презрѣнія къ какой-либо раз-
счетливости въ отношеніи своихъ силъ и здоровья, когда
нужно было добиваться опредѣленной цѣли.

Скорбный листъ *Э. Н.* поучителенъ для каждаго геолога. Первымъ поврежденіемъ, оставившимъ слѣды на всю жизнь, было поврежденіе связокъ и сухожилій стопы, полученное лѣтомъ 1885 г. на Уралѣ при паденіи лошади; тяжестью лошади раздавило ногу такъ сильно, что по прїѣздѣ на остановку сапогъ пришлось разрѣзать, чтобы снять съ ноги. Долго пришлось лечить ногу потомъ, но она никогда не оправилась вполнѣ, и только въ специальной обуви *Э. Н.* могъ ходить, не прихрамывая. Послѣ Тиманской экспедиціи онъ вернулся съ такимъ катарромъ желудка и кишокъ, что почти полгода затѣмъ долженъ былъ выдержать леченіе овсянкой, а слѣды этого воспаленія давали себя знать всю жизнь. Комары во время Тиманской экспедиціи научили *Э. Н.* курить, что впоследствии отражалось и на сердцѣ. Шпицбергенская экспедиція, когда случалось, что *Э. Н.* вмѣстѣ съ другими людьми на шлюпкахъ покрывался обледенѣлой корой, оставила на память тяжелый ревматизмъ съ воспаленіемъ нервовъ правой руки и плевритъ. Второй разъ та же рука была застужена въ годъ Мексиканскаго конгресса, когда въ Мексиканскомъ заливѣ во время тропической жары и духоты приходилось спать въ каютахъ подъ электрическимъ вентиляторомъ, поставленнымъ на полную скорость; въ третій разъ та же рука пострадала въ 1908 г. при поѣздѣ на Эльбрусъ, отъ ночлеговъ въ буркѣ на землѣ; *Э. Н.* вернулся въ Петербургъ, почти не владѣя рукой, и потребовалось пять мѣсяцевъ упорнаго леченія, чтобы возстановить силы въ рукѣ.

Но больше всего физическое переутомленіе сказалось на сердцѣ. Быстрые подъемы на высокія горы, постоянная ходьба до усталости нерѣдко съ ношей добытыхъ окаменѣлостей, вѣчное недосыпаніе, лишавшее сердце необходимаго отдыха, поддерживаніе бодрости куреніемъ, а наконецъ волненія и

непріятности, связанная въ послѣдніе два года въ особенности съ дѣломъ постройки зданія Комитета, вызвали грозную болѣзнь, которая свела *Θ. Н.* въ могилу.

Первый тяжелый приступъ болѣзни сердца былъ еще въ 1904 г., когда *Θ. Н.* вернулся съ какого-то засѣданія слабымъ и задыхающимся, и доктора нашли у него колоссальное расширение сердца, которое едва работало. На почвѣ слабой работы сердца у него сдѣлалась небольшая эмболія мозга. Для этого человѣка, жившаго только умственными интересами, сознание опасности превратиться въ развалину было такъ ужасно, что въ одинъ мѣсяць онъ посѣдѣлъ, какъ лунь; закаленный организмъ превозмогъ болѣзнь, но страхъ апоплексіи и паралича никогда не оставлялъ *Θ. Н.*, особенно потому, что два его старшіе брата умерли оба отъ удара. Послѣдствія этой болѣзни еще усилились волненіями во время русско-японской войны, когда неудачи родного флота и напрасныя жертвы, въ числѣ которыхъ было немало его друзей по плаваніямъ, какъ адмиралъ Макаровъ, докторъ Волковичъ, капитанъ Васильевъ, выводили *Θ. Н.* изъ необходимаго равновѣсія.

Θ. Н. все-таки быстро оправился, вернулся съ новой энергіей въ своей кипучей дѣятельности и въ теченіе послѣдующихъ девяти лѣтъ рѣшительно отказывался давать себѣ полный отдыхъ, хотя бы повремениамъ. Ему некогда было лечиться, некогда было отдохнуть; его беспокойная живая натура не могла примириться съ необходимостью хотя бы временнаго бездѣйствія. Въ ноябрѣ 1913 г., послѣ утомительной поѣздки на конгрессъ въ Канаду, *Θ. Н.* получилъ кишечное заболѣваніе, осложненное опуханіемъ печени; болѣзнь сердца выступила рѣзче, появились признаки грудной жабы и сердечной астмы. Но послѣ перваго же облегченія *Θ. Н.* снова бросался въ работу; въ концѣ декабря сердечная астма вновь

усилилась, но удержать *Ө. Н.* дома было невозможно; самъ онъ, повидимому, сознавалъ свое опасное положеніе, но совѣтовъ не признавалъ, и въ ночь съ 1 на 2 января утомленное сердце перестало биться.

Говорять, что тѣ, кто много путешествуетъ, имѣютъ много знакомыхъ, но не имѣютъ друзей. Относительно *Ө. Н.* это не оправдалось.

Со своими товарищами по экспедиціямъ онъ въ большинствѣ случаевъ дѣлался къ концу ихъ близкимъ другомъ; такими, напр., друзьями его на всю жизнь были академикъ *Баклундъ*, докторъ *Бунге*, а о геологахъ и горныхъ инженерахъ нечего и говорить. Много друзей имѣлъ онъ и за границей, куда съ теченіемъ времени сталъ ѣздить все чаще по дѣламъ международныхъ предпріятій сначала Комитета, а затѣмъ и Академіи Наукъ, членомъ которой онъ былъ избранъ въ 1897 году. Отношенія, завязываемыя на почвѣ геологическихъ вопросовъ, быстро переходили въ простыя дружескія, и заграничные друзья нерѣдко пріѣзжали изъ отдаленныхъ городовъ въ мѣсто его случайнаго пребыванія, чтобы только провести съ нимъ часъ-другой въ дружеской бесѣдѣ. Чѣмъ могли, ему старались и иностранцы выразить свои симпатіи, и *Ө. Н.* зачастую широко пользовался этимъ для того, чтобы облегчить молодымъ русскимъ ученымъ, и не только геологамъ, свободный доступъ въ иностранные музеи, лабораторіи и университеты.

Въ непрерывной работѣ то въ кабинетѣ, то въ полѣ шель годъ за годомъ жизни *Ө. Н.*; возрастала непрерывно научная извѣстность *Ө. Н.*, увеличивался понемногу и матеріальный достатокъ, но все болѣе и болѣе росла и работа, которая становилась все разнообразнѣе. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, когда *Ө. Н.* сталъ Директоромъ Геологическаго Комитета и Директоромъ Музея имени Петра Великаго при Имп.

Ак. Наукъ, ему приходилось направлять полевая изслѣдованія цѣлаго кадра геологовъ, такъ какъ Комитетъ по числу работающихъ лицъ увеличился болѣе, чѣмъ въ пять разъ, сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда онъ сьорганизовался, а въ музеѣ—руководить организаціей самого учрежденія и работами личнаго состава. Въ послѣдніе годы жизни О. Н. былъ выдвинутъ вопросъ о новой организаціи Комитета, распространеніи его систематическихъ работъ на Азіатскую Россію, постройка для него зданія, соотвѣтствующаго размѣрамъ и значенію самого учрежденія; въ Академіи Наукъ сталъ на очередь вопросъ объ организаціи Ломоносовскаго института; обстоятельства принудили О. Н. взять на себя чтеніе лекцій по исторической геологіи въ Горномъ Институтѣ, а затѣмъ временно принять на себя и обязанности Директора института. Въ исполненіе каждой обязанности, принимаемой на себя О. Н., онъ вносилъ свои силы, энергію и знанія съ такимъ же рвеніемъ, какое отмѣчало его работу въ теченіе всей жизни, и неудивительно, что по мѣрѣ того, какъ ему удавалось осуществлять свои широкіе планы коллективной работы, ему приходилось отдавать своей личной научной работѣ только ночные часы, подрывая въ конецъ свое здоровье въ этомъ неудержимомъ стремленіи къ научному творчеству.

„Въ его душѣ, говорить сынъ О. Н., была вѣчная коллизія между ученымъ, любившимъ науку ради науки и не имѣющимъ достаточно времени для обработки трудовъ о своихъ экспедиціяхъ, и между кипучимъ дѣятелемъ, который хотѣлъ помочь по мѣрѣ силъ выполненію разныхъ научныхъ и общественныхъ предпріятій“. Тѣмъ не менѣе, хотя урывками, по ночамъ и въ рѣдкіе для него праздничные часы, О. Н. непрерывно продолжалъ свои научные труды, и въ его столѣ

остался рядъ почти законченныхъ работъ—о Тиманѣ, Новой Землѣ, Шпицбергенѣ и палеонтологическихъ описаній.

Только въ легкихъ штрихахъ отмѣчены здѣсь главнѣйшіе этапы жизни *Э. Н.*; но на каждомъ изъ нихъ—отъ мальчугана, страстноющаго съ „Буцомъ“ по Аскольдовой могилѣ, до академика, руководящаго градусными измѣреніями на Шпицбергенѣ, лежитъ печать искренняго увлеченія своей работой, безотчетной увѣренности въ свои силы и глубокой вѣры въ коллективныя силы знанія и науки. Передъ нашими глазами промелькнула сейчасъ красивая жизнь, которая должна была бы дать достаточное нравственное и умственное удовлетвореніе прожившему ее, а намъ глубокое и трогательное сожалѣніе въ ея преждевременномъ концѣ.

Выраженія сочувствія и сожалѣнія объ утратѣ *Э. Н. Чернышева* продолжаютъ непрерывно поступать въ Геологическій Комитетъ; невольно чувствуется, что съ его кончиной во всѣхъ научныхъ предпріятіяхъ не только нашихъ, но и международныхъ, въ которыхъ покойный принималъ такое живое и дѣятельное участіе, не стало не только важнаго колеса, но не стало въ иныхъ случаяхъ и самой движущей энергіи. Въ *Э. Н. Чернышевѣ* такой энергіей были безотчетная вѣра въ свои силы, что является удѣломъ только избранныхъ натуръ, и глубокая сознательная увѣренность въ коллективныя силы. Вся научная и научно-общественная дѣятельность *Э. Н. Чернышева* оправдала эти основныя черты его работы; всей своей плодотворной дѣятельностью онъ только подчеркнул убѣдительно и наглядно, что двигаетъ науку впередъ только здоровый научный оптимизмъ. Обширныя и глубокія спеціальныя познанія и тонкое критическое чутье, при его органической увѣренности въ силѣ научнаго изслѣдованія, позволили *Э. Н. Чернышеву* пройти свой жизненный и научный путь безъ напрасныхъ колебаній и сомнѣній, ни разу не упустивъ изъ

рукъ тѣхъ руководящихъ нитей, которыя красной чертой проходятъ черезъ всѣ его труды. Онъ не закопалъ своихъ талантовъ въ землю и не расточилъ ихъ напрасно, а оставилъ богатое наслѣдство, которое навсегда вписало его имя на ряду съ именами творцовъ геологической науки.
